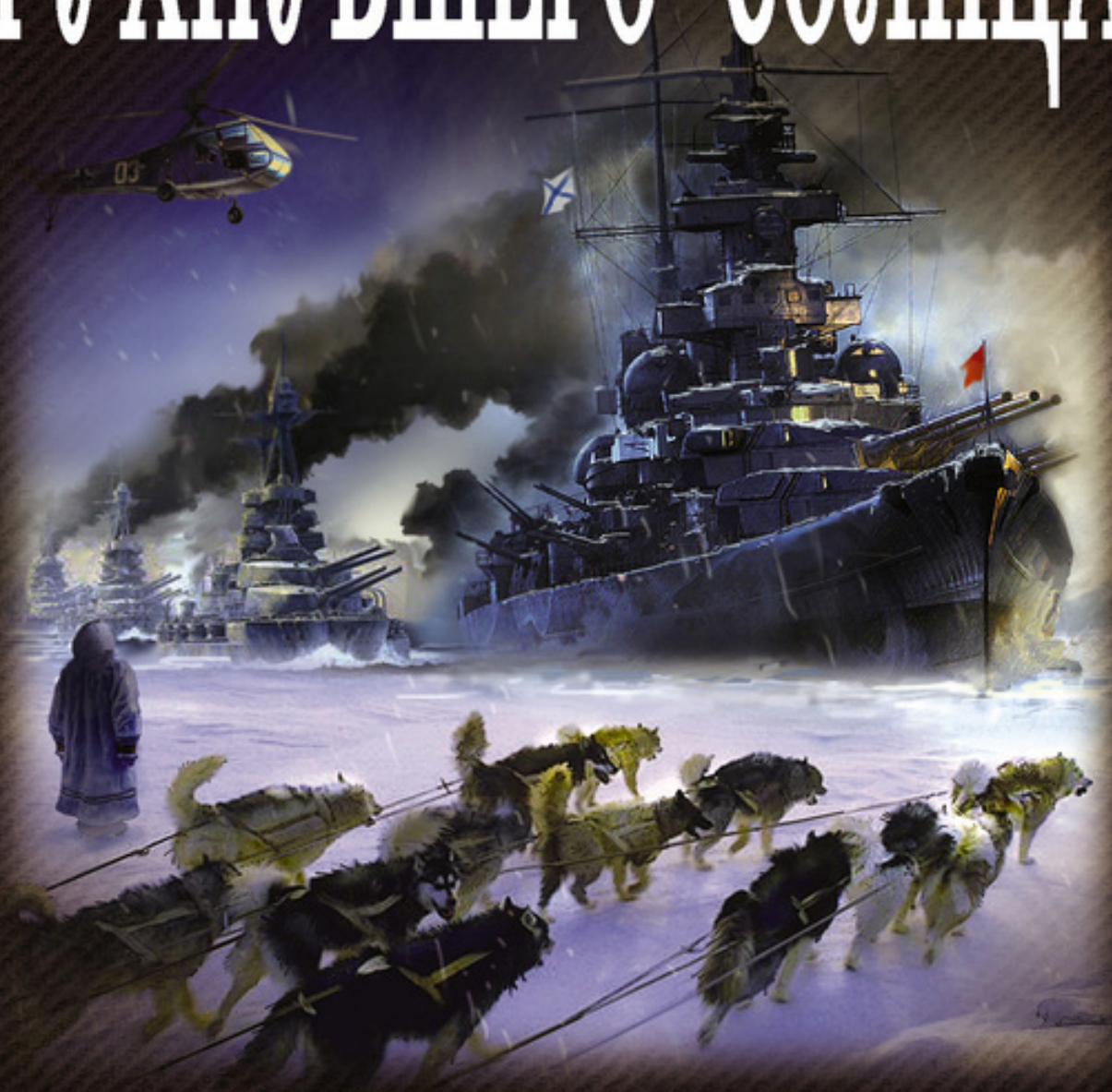

Михаил Михеев

СТРАНА РУХНУВШЕГО СОЛНЦА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Михаил Михеев

Страна рухнувшего солнца

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Страна рухнувшего солнца / М. А. Михеев — «АСТ»,
2017 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-102716-2

В любом деле бывают и враги, и союзники. Тем более, когда ты завоевываешь мир. Но что делать, если кто-то решил, что он ровнее других? Естественно, убедить его в обратном. И вот броненосные армады вновь идут через океаны, туда, где на своих островах вынашивают коварные планы гордые самураи. Ведь что бы ни случилось, всегда есть правила, которые нельзя нарушать. Если же кто-то не понимает этого, то восходящее солнце на его флаге должно рухнуть. Вперед, Адмирал!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102716-2

© Михеев М. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Страна рухнувшего солнца	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Михеев

Страна рухнувшего солнца

* * *

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

© Михаил Михеев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Страна рухнувшего солнца

*Я снова поднимаюсь по тревоге.
И снова бой, такой, что пулям тесно!
Ты только не взорвись на полдороге,
Товарищ Сердце, товарищ Сердце!*

Р. Рождественский

Никто и никогда не называл адмирала Ямомото трусом. Он не боялся, сражаясь с русскими при Цусиме, не боялся и позже. Его не пугали ни тяжело, неумолимо надвигающиеся и кажущиеся неуязвимыми громады русских броненосцев тогда, ни новейшие русские линкоры, про которые видевшие их агенты отзывались исключительно в превосходной степени, сейчас. Разумеется, это нельзя было назвать абсолютным бесстрашием, такое свойственно лишь дуракам, не осознающим опасность. Ямомото дураком никогда не был, но преодолевать свойственные человеку эмоции, подчиняя себя одной лишь Цели, умел хорошо. В этом, наверное, и заключается истинная храбрость.

Однако сейчас ему было не по себе. Все же, в отличие от многих соотечественников, Ямомото умел думать. Именно так. В стране, где заправляет военная аристократия, зачастую почти-тающая кодекс Бусидо выше здравого смысла, моряки выглядели белыми воронами. Почему? Да всего лишь потому, что не только принесли своей родине громкую и грозную славу, но и оказались самой образованной, в первую очередь – технически, частью военной элиты. Командовать современным боевым кораблем – это не с мечом наголо атаку возглавить, здесь требуется совсем иное мышление.

Вот и получилось, что Ямомото был противником большой войны. Слишком уж он хорошо представлял себе возможности страны – и финансовые, и производственные. Но, увы, не все решает комфлот, есть и те, кто имеет право отдавать ему приказы. А тут еще получилось, что он сам себе подложил большую и жирную свинью.

Пёрл-Харбор. Триумф флота Страны восходящего солнца и его, Ямомото, личный. Тогда он, помнится, тоже был против войны, утверждая, что сможет обеспечить несколько побед в сражениях, но войну они все равно проиграют. И – ошибся. Вмешались Германия и СССР, причем вторая держава, несмотря на ее противостояние японцам, все-таки выступила в роли союзника. И вместе они смогли задавить американцев. Так что теперь, стоило Ямомото начать говорить о риске новой войны, на него тут же начинали смотреть, как на Кассандру, но при этом не верили. В прошлый раз тоже бубнил, но поставили перед ним задачу – и выиграл. И сейчас так будет. Вот только не учитывали, что в прошедшую войну у них имелись могущественные союзники, взявшие на себя значительную, если не основную часть работы. Сейчас же расклады выглядели далеко не так радужно.

Но приказ есть приказ, и адмирал Исороку Ямомото вынужден был ему подчиниться. И разрабатывались секретные планы, и велась подготовка личного состава, а на корабли догружали боезапас... Бесстрастное лицо адмирала ничего не выражало, вот только вместо того, чтобы отправиться к жене или любимой гейше, он расхаживал по огромному адмиральскому салону линкора «Ямато». Корабля, ставшего его флагманом после того, как американские линкоры в прошедшую войну смогли уничтожить заслуженного ветерана «Нагато». По счастливой случайности его, командующего флотом, не было тогда на борту, хотя иногда Исороку ловил себя на мысли, что, возможно, зря. Может быть, он сумел бы победить. А возможно, погиб,

и все бы уже закончилось. Но сейчас он был жив и, несмотря на присущую самураю сдержанность, вел себя абсолютно не по-японски.

С другой стороны, Ямомото прекрасно понимал тех, кто отдал ему самоубийственный приказ. Есть оскорбления, которые смываются только кровью. С Японией никто не смел говорить подобным тоном. Вот уже сорок лет не мог, с того самого момента, когда дрогнули и поползли вниз флаги на русских броненосцах. Он, Исороку Ямомото, тогда еще совсем молодой офицер, прекрасно это помнил. Помнил наполняющую сердце гордость, превосходящую даже боль в изувеченной русским снарядам руке. Японские корабли... Лучшие в мире корабли. Какими они кажутся маленькими и слабыми сейчас, но именно с их помощью Страна восходящего солнца проложила себе дорогу в океан и стала равной среди равных, что бы об этом не думали чопорные англичане и хамоватые французы. Их мысли, как говорят американцы, только их проблемы, главное – хамить Японии никто больше не смел. До недавнего времени.

Эти обнаглевшие вконец немцы, которым победы, очевидно, заслонили горизонт, просто скомандовали Японии «К ноге!», как будто имели дело с дворовой собачонкой. А самое паршивое, что Японии пришлось тогда подчиниться. Ведь немцы со своими русскими союзниками уже заключили мир с американцами, и альтернативой стала бы война против альянса крупнейших и сильнейших держав. А того, что немцы готовы поддержать пусть избитую, но все еще грозную Америку, они и не скрывали. Вот и пришлось японцам подчиниться, но обиду они затаили.

Приказ лег на стол Ямомото вчера – значит, решение принято, обратной дороги нет. Стало быть, надо думать, если не о том, как победить, а хотя бы о том, чтобы вывести страну из бойни с наименьшими потерями. А это будет сложно. Адмирал хорошо понимал, что его противники – континентальные державы, делающие основную ставку на армии. Опыт Американской кампании говорил четко – их техническому превосходству на суше Японии противопоставить нечего. Стало быть, вновь основная тяжесть войны ложится на плечи моряков. Если они не смогут удержать Альянс, тот, рано ли поздно, попросту задавит островную империю, не мастерством, так числом.

Понимал Ямомото, и с кем ему придется схватиться. Мудрено не понимать. Наверняка флот врага поведет Лютьенс, а этот старый пират ухитрился стать прижизненным классиком морской войны. На опыте его сражений обучаются в военно-морских училищах всего мира. Страшный противник, иначе и не скажешь.

Ямомото задумался. Да, немец опасен, но и он не лыком шит. И опыта у него не меньше. А главное, он, командующий японским флотом, потратил немало времени на то, чтобы изучить своего визави, благо в тот момент они были союзниками и не скрывали друг от друга своих достижений.

Ум у адмирала был острый, отточенный, да и сложно ожидать чего-то другого от человека, занимающего столь важный и ответственный пост. Неудивительно, что из действий своего будущего главного противника он сделал определенные выводы, четко говорящие: бороться с Лютьенсом сложно, но все же можно. Да, немецкий адмирал талантлив и храбр, но при этом все его действия укладываются в определенную схему. И основным элементом такой схемы являются, как ни крути, тяжелые артиллерийские корабли.

Лютьенс – адмирал старой линейной школы. Да, он умеет выжимать из своих кораблей максимум и даже чуть-чуть больше, но все равно это – прошлое. Славное, но уходящее постепенно в небытие. Нет, разумеется, немецкий адмирал не чурается прогресса, однако в глобальном плане ничего не пытается менять. Авианосцы в его флоте – не более чем корабли поддержки. Понять, что именно они теперь ударная сила флота, Лютьенс так и не смог. Даже пример его, Ямомото, успехов не сподвиг немцев и их союзников на изменение структуры своих военно-морских сил. Линкоры – это святое. Стало быть, есть шанс навязать игру по своим правилам, и вот тогда...

Ямомото даже представить себе не мог, как он ошибается.

О начале войны Колесников узнал, отдыхая с семьей на Кипре. Почему именно там? Да просто бывал он на этом острове еще в той жизни и сохранил о нем самые лучшие воспоминания. Вот и поехал, тем более на отнятом у англичан острове с его подачи строился шикарный курорт для комсостава германских вооруженных сил. Так что – почему бы и нет? Тем более, отдых он давно заслужил, и все с этим были согласны, и в руководстве Рейха, и, что вполне логично, в семье.

Кипр, разумеется, и близко не походил на тот райский уголок, что Колесников помнил, однако покрытые знаменитым белым песком пляжи и великолепная, абсолютно прозрачная вода никуда не делись, а Фамагуста, где, собственно, и велось сейчас основное строительство, еще не стала городом-призраком. И, даст бог, не станет – там, куда приходят немцы, наступает порядок. Хороший, плохой, не важно, главное, не выберут здесь патриарха-президента, или как он там, архиепископ, что ли, и не будет в результате никакой гражданской войны на почве религии. Незачем германской провинции кого-то там выбирать, а если кто-то из так и не ставших гражданами рейха местных недоволен, то всю глубину его неправоты объяснят запросто.

Увы, отдых пришлось прервать на самом интересном месте. Если конкретно, то как раз во время рыбалки. К мирно покачивающейся на волнах лодке, с которой адмирал ловил рыбу, подрулил катер с «Шарнхорста» (ну куда же адмирал без своего знаменитого флагмана), и полчаса спустя злой и раздраженный Лютьенс уже поднимался по трапу. А вечером уже привычный, словно домашние тапочки, Ме-110 нес его в направлении Берлина. И пускай он не столь удобен, как предназначенный для перевозки важных персон «Кондор», хотя и в том, откровенно говоря, комфорт довольно относительный, зато полет намного короче.

Истребитель Лютьенс вел сам. Научился на старости лет, сподобился. Куда более легкий сто девятый вот пилотировать толком не умел. Точнее, само пилотирование проблем не представляло, но взлет-посадка из-за расположенных чрезмерно близко к фюзеляжу шасси – цирковой трюк. В этом плане более тяжелый сто десятый и проще, и предсказуемее, да и радиус действия у него больше. А самому Лютьенсу пилотирование не то что бы очень нравилось – просто за штурвалом, под гул моторов, думается лучше.

Откровенно говоря, он и стрелка себе подбирал из тех, что могут часами сидеть, не издавая ни звука. Шнайдер представил ему несколько кандидатур – и молчунов, и надежных. Один из них, выбранный, откровенно говоря, наугад, сейчас тихонечко сидел в своей кабине и внимательно следил за окружающим пространством. Время хоть и мирное, но все же на борту истребителя одно из первых лиц Третьего рейха, а потому бдительности никто не отменял. Колесников был, разумеется, не против.

Увы, в данном случае обдумывать было особенно и нечего – слишком мало информации, а построение картины на основании допущений чревато ее искажением. Искращения же – прямой путь к принятию неверных решений, что, в свою очередь, ведет к потерям в живой силе. А терять своих людей Колесников не любил. Так что мыслил он сейчас отнюдь не о проблемах, заставивших его прервать отпуск, а о Хелен и детях, оставшихся на Кипре. Им придется возвращаться домой без него. И, хотя причина умчаться, даже не попрощавшись, имелаась более чем веская, адмирал все равно чувствовал себя виноватым. Оставалось только держать штурвал да поглядывать время от времени на то, как сливающиеся в полупрозрачные круги винты рубят воздух, толкая самолет вперед, а его, Колесникова-Лютьенса, ученого и адмирала, – в неизвестность.

Берлин встретил его мелким и теплым весенним дождем и отвратительной видимостью. Такой, что на посадку заходить пришлось мало не вслепую. Хорошо еще, скорость у двухмоторного истребителя при этом была не столь уж велика, и даже такому посредственному пилоту, как Лютьенс, удалось приземлиться без особых проблем, всего-то со второго захода.

Даже «козла» не дал, и самолет, мягко подрагивая на стыках качественно подогнанных бетонных плит, шустро вырулил на стоянку.

Машина уже ждала, подкатив прямо сюда. В нарушение всех инструкций, конечно, но, во-первых, кто откажет встречающим человека такого уровня, а во-вторых, флотские вообще чуточку плевали на дисциплину. В мелочах, разумеется, но, тем не менее, и, как полагал Колесников, из-за него. Все же с его русским характером немецкий флот приобрел не только громкую славу и множество побед, но и изрядную долю разгильдяйства.

Сидя на огромном мягком диване, обитом вкусно пахнущей кожей, он листал переданные ему бумаги, но ясности они упорно не добавляли. Слишком отрывочные сведения, слишком непонятны и противоречивы нюансы. Мысленно он проклинал японцев – в среду этих узкоглазых, активно шпионящих друг за другом, впихнуть агента оказалось практически нереально, а завербованные немецкой разведкой местные кадры относились к весьма низким социальным группам и, вдобавок, не вызывали особого доверия. Пока ясно было одно – мирная жизнь закончилась. И, как всегда, не вовремя.

Правда, сам Берлин немного примирил его с происходящим. Вообще, у этого города, несмотря на столичный статус, имелся какой-то налет провинциальности или, точнее, патриархальности. В той истории после войны, сокрушительных бомбежек и сметающих все на своем пути танков он сильно утратил колорит, но здесь и сейчас все сохранилось. И вид куда-то спешащих по мокрым тротуарам прохожих, редких по случаю дождя и укрытых под зонтами, почему-то действовал на грозного адмирала умиротворяюще. Здесь все было тихо и спокойно, что и неудивительно. Какое дело добропорядочным, законопослушным немцам до событий на краю света?

В рейхсканцелярию он вошел, привычно отмахнувшись от встречающего майора в черной форме. Сбросил на руки подскочившему лейтенанту куртку из плотной кожи и, сверкнув в свете ламп золотом погон, решительно прошествовал в небольшой зал. Туда, где, собственно, и предстояло решать судьбу мира.

– Гюнтер! Рад тебя видеть! А мы уже заждались...

Роммель был все таким же – высоким, сухопарым, резким в движениях. Разве что брюшко от спокойной жизни стало намечаться. Ну, ничего, это сейчас быстро пройдет, цинично подумал Колесников, пожимая руку сначала генералу, а потом рейхспрезиденту. Геринг за последнее время раздобыл еще сильнее, и сейчас они с Роммелем представляли собой забавную пару, отлично иллюстрирующую философскую категорию единства и борьбы противоположностей. Впрочем, хватка у обоих боевых офицеров, превратившихся в матерых политиков, была такой, что не один умник, считавший себя профессиональным крючкомером, вырывался из их загребущих челюстей будучи изрядно пожеванным.

– Спешил, как мог, – честно ответил Лютьенс, по очереди здороваясь с обоими. – Увы, быстрее у нас будет получаться, только когда герр Мессершмитт доведет до ума свои реактивные игрушки.

– Обещает вот-вот, – с чуть скептической улыбкой ответил Геринг, по-прежнему державший руку на пульсе всего, что происходит в мире авиации. – Уехал сейчас к русским, будет в последний раз продувать модель – так, на всякий случай. Да и, сам знаешь, что научная, что конструкторская школы у них сильные, это двигатели так себе.

– Это радует, – серьезно кивнул Лютьенс. – Но, увы, за штурвалами таких машин нам уже не летать. Возраст...

Некоторое время они молчали. Люди, добившиеся огромных, немыслимых высот, но не властные над временем. Однако жизнерадостный Роммель прервал затянувшуюся паузу.

– Не за штурвалом – так пассажирами. И не говорите мне, что это уже не то. А теперь давайте перейдем наконец к делу.

К делу – значит, к делу. Ничего особо нового Колесников, правда, уже не узнал, но зато хронологию событий восстановить смог и кое-какие выводы сделал. Итак, вчера утром, на рассвете, японские самолеты нанесли мощнейший удар по Владивостоку. Просто так, без объявления войны. И городу, и порту досталось капитально. Около тысячи погибших только среди гражданского населения, разрушены аэродромы, на них сожжено почти три сотни самолетов. В порту потоплены два линкора, два крейсера и около десятка кораблей поменьше. Все можно поднять и отремонтировать, но это потребует немалого времени, хотя сам порт пострадал мало, по его инфраструктуре удары не наносились, попадания выглядели, скорее, случайными. В общем, комбинация двадцать второго июня и Пёрл-Харбора, версия лайт.

Одновременно пришла в движение Квантунская армия, уже несколько лет как окопавшаяся у советских границ и, по мнению русских военных, успевшая там уже мхом обрасти. Однако, каким бы цветом этот мох ни окрашивался, почти миллион штыков в японской армии имелся. Словом, неприятно, хотя и, учитывая сравнительно слабую техническую оснащенность наземных сил Японии, не так страшно, как могло бы показаться.

Пока Квантунская армия вела бои с русскими силами прикрытия на границе, флот попытался высадить десант под Владивостоком, но сделал это как-то неубедительно. Уцелевшие береговые батареи (а они, во-первых, были построены в немалом количестве, а во-вторых, почти не пострадали от авиаударов) встретили японцев мощным и точным огнем. Десант повернул обратно, даже не дойдя до берега. На этом, собственно, и исчерпывалась информация о случившемся.

– Ну, что скажешь? – поинтересовался Геринг, традиционно берущий на себя роль рефери и распорядителя. Она ему неплохо удавалась. Лютьенс пожал плечами:

– Нелогично. Абсолютно.

– То, что они решили напасть на русских, с которыми в вечном противостоянии уже полвека? – удивился рейхспрезидент.

– Нет, это-то я от них как раз ожидал, – усмехнулся Лютьенс. – Правда, не сейчас. По моим расчетам, у нас еще оставалось время. Ошибся, да... Но здесь вопрос в другом. Поведение у них нелогичное. Совсем. Не воюют они так, не в их традициях.

– Точнее, – собеседники теперь смотрели на Лютьенса внимательно. Ну что же, пришлось уточнить.

– Японцы ТАК не отступают. Я помню их и по Американской кампании, и по прежним войнам. Переть на пулеметы, невзирая на потери, – это да, это они умеют. Самоубиться о танковую броню с миной в руках – да запросто. На том и на другом они, кстати, не раз и не два теряли элитных солдат целыми батальонами. Отступить они тоже могут, но это, как правило, относится к обычным пехотным частям. И только после серьезных потерь. Здесь потеря фактически не было. Ну, перевернулась пара шлюпок. Все! А ведь они вряд ли посылали в десант обычных солдат. Так?

– Так, – согласился, подумав, Роммель.

– Ну вот. И еще. Бомбежка порта вполне логична. Разнесли вдребезги линкоры, разом перехватив инициативу на море. А вот дальше уже непонятно. По Владивостоку они били, стараясь при этом сохранить портовые сооружения. С успешным десантом это было бы логично – база флота и место высадки в самом сердце русского Дальнего Востока. Но при заранее предусмотренном отступлении десанта... В общем, нелогично.

Геринг с Роммелем переглянулись, потом лучший полководец Германии кивнул:

– Мы пришли к тем же выводам. А ведь просто так самураи ничего не делают. Есть у них какой-то хитрый план.

– Не может не быть, – согласился адмирал. – Знать бы еще, какой. Хотя, откровенно говоря, я плохо понимаю узкоглазых, они смотрят на мир совсем иначе, чем мы. Не могут ведь не понимать, что русским танкам им нечего противопоставить. Ладно, надо лететь в Москву.

– Стоит ли? – поинтересовался Геринг.

– Стоит. Иначе, если у японцев и впрямь получится разбить наших союзников, они не остановятся. Следующими будем мы, и вот нам-то помогать уже никто не станет. Просто потому, что будут считать: мы бросили тех, кто нам доверял. И чтобы усмирить их, придется лить кровь. Немецкую кровь, коллеги. А победа ценой большой крови меня не устраивает.

Спорили они долго. Почти всю ночь. Тем не менее, Лютьенсу удалось доказать свою точку зрения. Проспав несколько часов прямо здесь же, в рейхсканцелярии, утром он отбыл на аэродром, и вскоре его самолет, взревев двигателями, оторвался от земли, унося адмирала на восток...

– А теперь объясните мне, пожалуйста, чем у вас Трибуц занимался? С борта крейсера селедку удил? – голос Лютьенса звучал устало, что и неудивительно. За последние двое суток он спал всего часа четыре. Не в его возрасте организм на выносливость испытывать. Тем не менее, немецкий адмирал смотрел жестко и спокойно, и от взгляда этого многим из собравшихся становилось неуютно.

– Сам не знаю, с чего у него такой прокол, – Кузнецов, похоже, с трудом удержался, чтобы не развести руками, но присутствие особо высокого начальства удержало его от столь простонародного жеста. А ведь при одном Лютьенсе жестикулировать не стеснялся. – Грамотный адмирал, опыт боевой присутствует, и неплохой... В Панаме воевал храбро, ранен был. Да что я вам это рассказываю? Сами знаете.

– Знаю, – медленно кивнул Лютьенс. – Потому и понять не могу. То, что японцы опасны, он знал. То, что тактику свою они строят на массированном применении авианосных соединений, тоже. И такой прокол... У вас что, традиция такая, вдали от Москвы расслабляться?

Что называется, не в бровь, а в глаз. Все промолчали, не решаясь спорить, ибо подобное и впрямь имело место быть. Хотя... Откровенно говоря, Колесников помнил, что с Трибуцем и в той истории не все гладко было. На Балтике он вроде бы здорово напортил, хотя деталей память не сохранила. Однако тут вмешался товарищ Сталин, направивший обсуждение в более продуктивное русло.

– Товарищи. Есть мнение, что надо решать, что делать, а не выяснять, кто виноват, – с более заметным, чем обычно, грузинским акцентом, сказал он. Товарищи (хотя Лютьенс, строго говоря, был герр) тут же прекратили перепалку. Взгляды скрестились вначале на самом Сталине, а потом довольно быстро переместились на Лютьенса, который считался, да и являлся на деле, не только экспертом в военно-морских делах, но и второй по значимости фигурой за этим столом.

– Германия окажет СССР всю необходимую помощь, – спокойно выдержал эти взгляды адмирал. – Флот уже поднят по тревоге, армия приводится в боевую готовность. Мы союзников не бросаем.

– А... итальянцы?

Вопрос задал Ворошилов. Ну да, тот же Жуков или Рокоссовский, несмотря на достижения, обладали пока что куда меньшим весом и в присутствии вождя предпочитали не вылезать. Это Кузнецову никуда не деться, он, исключая самого Лютьенса, здесь единственный моряк. Но вопрос задан, придется отвечать.

– Судя по тому, что дуче все еще не приехал, он планирует деликатно отсидеться за нашими спинами, – хмыкнул адмирал, вызвав тем самым несколько иронических смешков в ответ. – Но это у него не получится, займусь лично. Во всяком случае, корабли мы у него выцарапаем. А солдаты... Вы видели много хороших итальянских солдат?

Вновь циничные усмешки. Нет, среди итальянцев тоже встречаются храбрые воины, но их немного. Они ребята, конечно, заводные, вспыльчивые, но в массе своей нестойкие, держаться до конца, до последнего человека, как русские, мало кто умеет. Поэтому итальянская армия –

не самое лучшее подспорье, а вот корабли у Муссолини неплохие, да и Черный Князь, сейчас уже полный адмирал, дисциплину на флоте держит жесточайшую. С таким можно и в одну линию встать, не зазорно будет.

– Это хорошо, что наши союзники не оставляют нас в трудную минуту, – Сталин, держа в руке незажженную трубку, прошелся по кабинету. – Теперь хотелось бы знать, чем мы располагаем на Дальнем Востоке сейчас.

А вот здесь ситуация оказалась куда более неприятной. Квантунская армия на момент начала войны насчитывала, по разным оценкам, от восьмисот тысяч до миллиона ста тысяч пехотинцев. Точнее, к сожалению, определить не представлялось возможным – разведчики старались, но эффективность агентуры, когда дело касалось Японии, оставалась традиционно низкой. Противопоставить им пока что получалось не более трехсот тысяч солдат регулярной армии, разбавленных примерно ста тысячами ополченцев. Сибиряки, народ суровый и храбрый, за оружие взялись без напоминания и лишних призывов, но выучка и дисциплина таких частей оставляла желать лучшего.

Однако даже это выглядело не самым неприятным. Куда хуже было, что, установив контроль над морем, японцы сейчас быстрыми темпами перебрасывали на материк войска, и помещать им в этом было крайне сложно. Разумеется, советские подводные лодки немедленно вышли на позиции и даже успели потопить несколько кораблей противника, включая пару эсминцев, благо японцы гнали корабли не конвоями, а поодиночке. Советские субмарины, особенно последнего поколения, построенные с использованием купленных у Германии технологий, были едва ли не лучшими в мире, так что преимущество оказывалось пока на их стороне.

Увы, это была капля в море. К тому же с японских баз на Сахалине и Курильских островах активно действовала авиация. Курилы, Курилы, ох уж эти Курилы... Потерянные русскими в пятом году территории позволяли сейчас Японии затыкать выходы с единственной полноценной военно-морской базы СССР, словно бутылочное горлышко пробкой. Вдобавок, японцы развернули на Сахалине полномасштабное наступление, медленно, но уверенно выдавливая отчаянно сопротивляющиеся, однако до безобразия малочисленные советские регулярные части и ополчение на северную часть острова. А ведь Лютьенс предупреждал, что оборону там надо усиливать, предупреждал...

В воздухе с первых часов войны шла отчаянная драка. Японцы сконцентрировали для удара не менее трех тысяч самолетов, у Советского Союза на Дальнем Востоке к началу войны имелось не более двух. Минус погибшие на аэродромах в ходе первого налета противника. Единственное, что утешало, это то, что большинство летчиков при этом уцелело. Хорошо обученных летчиков, с опытом прошлой войны. Они еще смогут себя показать, но для этого необходимо перебросить им новые машины, а произойдет это не скоро. Во всяком случае, не за пять минут, придется ждать, а пока что преимущество в воздухе имели японцы. Не подавляющее, но серьезное, и советская пехота, которую японские самолеты яростно атаковали, могла лишь проклинать отсутствие нормального прикрытия. Хорошо еще, зениток хватало, да и бомбардировщиков у японцев оказалось не так и много. В основном пехоту атаковали истребители, используемые сейчас в роли штурмовиков. Учитывая отсутствие на японских машинах хоть какого-то бронирования, получалось это у них так себе.

Но самый большой сюрприз преподнесли обороняющимся японские танкисты. Бронетехника, это Колесников хорошо помнил, была не самой сильной стороной островной империи. Да и здешние специалисты с этим соглашались безоговорочно. Японские танки – барахло со слабым вооружением, никакой защитой и далеко не лучшими двигателями. И если одна тридцатьчетверка выйдет против роты японских танков, то ставить надо именно на советскую машину.

Все так, но никто почему-то не учел последнюю войну с американцами. А вот японцы учли, и, пользуясь бедственным положением США, без особых проблем заключили с ними

контракты на поставку военной техники, в первую очередь танков Шерман, бронетранспортеров и грузовиков. Американцы, с трудом вылезая из послевоенного кризиса, ухватились за предложение недавних врагов руками и ногами, а СССР и Германия не обратили на этот факт должного внимания. Сейчас это выходило боком, и на границе советские танки столкнулись, пускай, и с уступающими им, но все равно конкурентоспособными противниками.

В свете происходящего, расклады вырисовывались довольно паршивые. Все же пропускная способность советских железных дорог, как и сорок лет назад, оказалась совершенно недостаточной, и японцы, с их кораблями, портами и несравнимо меньшим плечом доставки оказались в выигрышном положении. Сдерживали их только лучшая тактическая подготовка советских офицеров и самоотверженность опытных, прошедших тяжелую войну солдат. Только вот, насколько хватит этого задела, оставалось большим вопросом.

Из первоочередных решений напрашивалась, пожалуй, массовая переброска войск и кораблей. Ускорить первую русские предложили за счет увеличения числа, а главное, длины составов, что, в свою очередь, требовало более мощных паровозов. В СССР их не было, но зато они имелись в Германии, и на их предоставление Лютьенс тут же согласился. Правда, требовалась их адаптация к более широкой советской колее, и пока этот вопрос будет решаться, грузы придется таскать по старинке. В общем, все упиралось во время, притом, что мобилизационный и производственный потенциал континентальных держав превосходил возможности Японии в разы. А вот с кораблями выходило сложнее.

Теоретически сила в руках немецких и советских адмиралов имела немаленькая. У СССР даже после потери «Советской Украины» и «Советской Белоруссии» оставались два первоклассных, по мнению советских военных теоретиков, лучших в мире линкора, «Советский Союз» и «Советская Россия». Дополняли их грозную мощь два линейных крейсера: «Кронштадт» и «Севастополь», вооруженные шестью орудиями главного калибра каждый, и шесть авианосцев. Правда, тяжелый только один – «Владивосток», бывший американский «Интрипид», остальные, трофейные и собственной постройки, легкие, созданные на основе переработанных до полной неузнаваемости проектов крейсеров. Плюс, естественно, крейсера, эсминцы и подводные лодки, не считая старых кораблей, вроде все еще находящихся в строю, но для современной войны малопригодных линкоров-дредноутов дореволюционной постройки.

Немцы могли похвастаться большим. С учетом трофеев и серьезной модернизации флота, проведенной после окончания большой войны, они располагали двумя линкорами собственной постройки, «Бисмарком» и «Тирпицем», и двумя линейными крейсерами, «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Причем орудия уже легендарного «Шарнхорста» сейчас должны были стать сюрпризом для любого противника. Изначально созданные с расчетом на дальнейшую модернизацию, стволы его шестнадцатидюймовок были рассверлены до жутких четырехсот двадцати миллиметров, что позволило кораблю сравняться и даже чуточку превзойти по весу залпа «старших братьев».

Еще три корабля, «Фон дер Танн», «Гебен» и «Зейдлиц», начинавшие свою карьеру как британские линкоры типа «Король Георг V», были серьезно модернизированы. Усилена противоминная защита, изменено, больше с целью стандартизации, вооружение. Теперь эти линкоры могли похвастаться восемью такими же, как у «Бисмарка», пятнадцатидюймовыми орудиями каждый. Довеском к ним шел многократно модернизированный, но все равно тихоходный антиквариат. «Фридрих дер Гроссе» и «Дерфлингер» все еще могли продемонстрировать любому врагу чудовищную мощь своих орудий, однако годы брали свое, и тащить их на Дальний Восток выглядело задачей не для слабонервных. Да и вообще, должен же кто-то остаться в Атлантике.

Ну и, вишенкой на торте, два трофейных, достроенных уже после войны линкора типа «Айова», ныне «Дойчланд» и «Кенигсберг». По девять шестнадцатидюймовых орудий, отличный ход и дальность плавания. Идеальные рейдеры либо корабли сопровождения авианосных

соединений. На фоне всего этого великолепия заслуженные старички «карманные линкоры» смотрелись гадкими утятами, хотя и их списывать со счетов никто не собирался.

А вот авианосные силы выглядели куда менее впечатляющими. Те же шесть авианосцев, что и у русских, правда, легких всего четыре, но и два более мощных тяжелыми не назовешь. «Граф Цеппелин», построенный бездумно и неумело, а позже неоднократно перестраивавшийся, и «Корморан», успевший побывать и британским «Глориесом», и «Фон дер Танном», прежде чем уступить это имя новому линкору. Они были неплохи в прошлую войну, но сейчас уже морально устарели. Словом, прикрыть основные силы еще сгодятся, но не более того.

Зато хватало крейсеров и эсминцев – в прошлую войну этими кораблями затрофеились так, что часть пришлось выводить в резерв, иначе их содержание стало бы излишней нагрузкой на и без того уставшую экономику. И подводных лодок тоже оказалось немало – технология их производства, спасибо неумолимому Деницу, оказалась настолько отработана, что субмарины буквально штамповали, сделав их не только эффективными, но и сравнительно дешевыми.

Адмирал Жансульт, сменивший недавно маршала Петена на посту главы Франции, выставлял два линкора, «Ришелье» и «Жан Бар», и два линейных крейсера, «Дюнкерк» и «Страсбург». Еще четыре легких авианосца плюс крейсера и эсминцы. И эти корабли не потерявший боевого задора и вкуса к победам адмирал готов был вести сам. Во всяком случае, в этом он Лютьенса заверил еще, когда тот был в Берлине. Устаревшие «Фридрих Великий» и «Мольтке» должны были присоединиться к «Фридрих дер Гроссе» и «Дерфлингеру», базирующимся на Канаду. Два вконец устаревших французских линкора, «Прованс» и «Лорэн», оставались в местах постоянного базирования – так, на всякий случай. Ну и итальянцы... Если удастся договориться с дуче, то четыре первоклассных линкора (старье, опять же, тащить не имело смысла), два легких авианосца, крейсера и эсминцы. Если не удастся договориться с дуче... Значит, придется договариваться с его преемником.

Все эти подсчеты заняли не так уж много времени. Когда Лютьенс закончил, Сталин, с интересом его слушавший (он всегда был равнодушен к большим кораблям), встал, вновь медленно прошелся по кабинету и спросил:

– Это... серьезно. Скажите, а кого бы вы поставили во главе этих сил?

– Никого, – серьезно ответил адмирал, ловя на себе удивленные взгляды окружающих. – Здесь одних линкоров будет двадцать одна штука. Как у вас говорят, очко?

По кабинету прокатились неуместные вроде бы смешки. Даже Сталин чуть заметно улыбнулся в прокуренные усы и кивнул.

– Да, именно так. И вы считаете, что никто с таким флотом не справится?

– Да, я так считаю. Просто потому, что при таких больших размерах структура теряет гибкость. Именно поэтому я предлагаю использовать тот же подход, что и в прошлой войне. Ваш флот и итальянцы под общим командованием советского адмирала, а я веду свои и французские корабли. Как-то так.

– Логично... Товарищ Кузнецов, кого вы предлагаете в качестве командующего вашей группой?

– Я пошел бы сам, – советский адмирал вскочил, будто подброшенный пружиной.

– Исключено, вы нужны нам здесь. Можете потом отправиться к месту боевых действий, осуществлять общее руководство, но вести туда эскадру – а дело это, как я понимаю, долгое – предстоит кому-то другому. Ваши кандидатуры?

Кузнецов замаялся на миг, и Лютьенс этим немедленно воспользовался:

– Я бы предложил Белли. Владимир Александрович – человек опытный, в той войне зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Наши... ваши моряки его уважают, союзники – тоже. Опыт взаимодействия с итальянцами у него есть. Думаю, старый конь борозды не испортит.

Кузнецов, не слишком довольный вмешательством немца, все же неохотно кивнул. Сталин повертел в руке трубку:

– Если возражений нет, предлагается согласиться с предложением герра Лютьенса. И напоминаю вам, товарищи, что времени на раскачку у нас нет. Сейчас на Дальнем Востоке гибнут наши люди. Товарищ Рокоссовский. Вам предлагается возглавить наши сухопутные войска.

– Готов вылететь немедленно! – вскочил со стула генерал-полковник. Как любой нормальный офицер, он был в меру карьеристом и отлично понимал, что хотя работа предстоит тяжелейшая, но в конце его вполне могут ждать маршальские погоны, и такой шанс упускать нельзя. И Сталин, прекрасно улавливая ход его мыслей, кивнул. Большая война набирала обороты...

До Берлина Колесников еще дотянул, но потом организм выразил решительный протест такого рода перегрузкам и потребовал отдыха. Как будто не мог подождать до лучших времен, зараза! Хотя, с другой стороны, заснуть в воздухе за штурвалом – глупость. Есть варианты самоубийства и попроще. Так что пришлось оставить истребитель в Берлине и пересестись на борт представительского «Кондора», благо тот стоял, что называется, под парами. И весь оставшийся путь до Рима адмирал бессовестно проспал, не желая ни о чем думать и беспокоиться. Расслабился за годы мирной жизни... А ведь знал, что еще одна вой на будет, и скоро. Теперь предстояло срочно наверстывать упущенное.

В Риме светило солнце, и небо казалось прозрачно-белым от жары. По сравнению с суровой прохладой Москвы и занудным берлинским дождем контраст разительный. Вылезая из самолета, адмирал выругался про себя – рубаша и китель мгновенно промокли от пота. На Кипре, возле моря, жара ощущалась совсем не так. Не была такой удушающей. Да и форма одежды, честно говоря, отличалась. Во всяком случае, шорты, в которых Лютьенс выглядел невероятно потешно, для такой погоды подходили куда лучше рассчитанной на северные широты военной формы.

Его, конечно, встречали, да и попробовали бы не встретить, честно говоря, но выглядело это непривычно, утомительно и, на взгляд Лютьенса, срежиссировано оказалось бездарно. Если в Берлине к не слишком любящему пышные церемонии адмиралу просто приехали, а в Москве его по-деловому встретил один из порученцев Сталина, правда, аж в полковничьем звании, то здесь... Парадный строй гвардейцев в идиотской форме – такой длины, что вдоль него собаку выгулять можно. Оркестр. Ковровая дорожка. Боги, что за маразм!

Однако же пришлось соответствовать. Идти по этой самой дорожке, церемонно поручаться с каким-то лощеным шпаком в дорогом, шерстяном даже на вид костюме (как он в нем по том-то не истечет), затем шествовать дальше, но уже в сопровождении двух отменно чеканящих шаг офицеров с невероятно одухотворенными лицами и саблями наголо. Интересно, они и в самом деле чувствуют сопричастность к чему-то важному, или им это выражение к лицам приклеили?

На середине пути примерно адмирал не выдержал и содрал с плеч китель. Стало полегче, но ненадолго. Пропитавшаяся едким потом форменная рубаша, высыхая, царапала спину. Ощущения были отвратительные. И все же он выдержал променада и даже смог улыбнуться торчащей в почтительном отдалении, за редкой, но грозной на вид цепочкой карабинеров, внушительной группе журналистов. Те, словно того и ждали, тут же застрочили ручками в своих блокнотах, но Лютьенс, не обращая на них более внимания, решительно направился к ожидающему его автомобилю. Плевать, что черный кузов накалился, словно печка. Может, хоть сквозняк в дороге компенсирует местную жару и духоту.

Не компенсировал. Лютьенс, подъезжая к резиденции Муссолини, истекал потом и мечтал только об одном – холодном душе. А его потащил сразу – и на прием к дуче. Оставалось только скрипнуть зубами. Что же, если Муссолини считает, что, поставив собеседника в

неудобное положение, он облегчит себе жизнь, то это – его ошибка. Колесников стал тем, кем стал, не потому, что не умел терпеть неудобства.

– Герр адмирал! Рад вас приветствовать в моем скромном жилище, – дуче шагнул ему навстречу с гостеприимной улыбкой на губах. Еще немного, и она выглядела бы издевательски, а так – доброжелательность, и ничего более. Положительно, старый журналист и политик умел владеть собой. – Как вам Рим?

– Отвратительно, – Лютьенс крепко сжал протянутую ему руку. Все, что он успел, это умыться, и настроение его было отнюдь не лучшим. Даже тот факт, что здесь было малость прохладнее, чем на улице, положения не исправлял. – Те, кто строил этот город, были не слишком предусмотрительны в выборе места.

– Или просто более выносливы, чем вы? – Муссолини даже не пытался удержаться от колкости.

– Или, что вернее, тогда климат здесь был лучше. Впрочем, плевать. Не нам судить великих предков. Догадываетесь, зачем я здесь?

– Представления не имею.

Играешь, гад? Нью-нью, подумал Колесников, а вслух сказал:

– О нападении Японии на СССР вы, я думаю, слышали?

– Да, мне докладывали.

– Это очень хорошо. В таком случае вам стоит знать, что Германия вписывается за союзника.

– Что делает? – не понял Дуче случайно затесавшийся во фразу адмирала речевой оборот из будущего. Колесников мысленно выругался.

– Не обращайтесь внимания, русский сленг приставуч. Поддерживаем союзника, так правильнее.

– И которого из них?

Ну да, формально-то Германия пока что в союзе с обоими. И, кстати, Италия тоже. Адмирал усмехнулся:

– Русских, само собой. Вы против?

– Да нет, – пожал плечами Муссолини. – Нам, в общем-то, все равно.

Вот так, сразу дал понять, что участвовать в войне не собирается. Ми-и-лай, да куда ж ты денешься? Лютьенс усмехнулся мысленно, но внешне остался бесстрастен.

– То есть вам все равно, с кем воевать?

Брови Муссолини поползли вверх, что вкупе с общей нездоровой одутловатостью его лица, выглядело достаточно комично.

– Вообще-то, мы не воюем, – осторожно сказал он.

– Ваше право. Но если вы не поддержите никого, то тем самым предаете обе стороны. И они имеют право на соответствующие ответные действия. Что до японцев – так они далеко, и вам на них можно внимания не обращать. Только вот незадача: мы-то близко.

– Вы мне угрожаете?

– Ну, что вы. Просто вспомните, что было в прошлый раз.

Муссолини вспомнил. И о том, как Италии пришлось вариться в собственном соку, и о том, как началось массовое, почти мгновенное обнищание населения. И как тяжело было успокоить заводной итальянский народ. И еще о том, что кредиты, данные ему немцами, надо возвращать. Лютьенс смотрел на него холодно, не мигая. Тому, кто привык к соленому ветру в лицо, это не так и сложно. Потом усмехнулся:

– Ну что, подумали? Взвесили? Мне можно улетать?

– Адмирал, – голос дуче звучал хрипло. – Мне требуется время, чтобы...

– Даю минуту, я добрый, – без зазрения совести украл фразу из неснятого еще советского мультфильма Колесников. – Имейте в виду, наши запросы еще достаточно скромны. Только

ваши корабли. Содержание и ремонт техники, плюс жалование экипажей за наш счет. И доля в трофеях ваша, в том числе территориальная. Вы как, от колоний в Тихом океане откажетесь?

– А вот с этого места поподробнее...

Когда спустя два часа Колесников покинул резиденцию своего оппонента, он мог лишь в восхищении крутить головой. Торгашеская жилка у Муссолини, безусловно, имелась, вытребовал он все, что смог, ухитрившись ни разу не перейти ту грань, за которой немец мог решить, что небольшой государственный переворот в отдельно взятой Италии обойдется ему дешевле. Но, правда, при этом, к чести своей, ничего не потребовал для себя, все исключительно для страны. То ли идейный, то ли уже не разделяет свой карман и государственный. Впрочем, не так уж это и важно, главное, что объединенный флот в необходимый для себя момент получит еще одну эскадру, и неплохую.

Вице-адмирал Белли проснулся от телефонного звонка. Поворочался на койке, а потом сообразил, что отпустил домработницу на выходной и сейчас находится в огромной квартире совсем один. Стало быть, снимать трубку ему предстояло лично. Если, конечно, на том конце провода не сообразят, что его следует оставить в покое.

Телефон не унимался. Кто бы ни звонил, он обладал изрядной долей настойчивости, и пришлось немолодому уже адмиралу, кряхтя, вылезать из кровати и, надев мягкие домашние тапочки, шлепать к столику, на котором притулился огромный, неуклюжий аппарат. Реликт прошлой эпохи, такой же, как и сам Белли.

В самом-то деле, кому потребовалось звонить в такую рань, тем более в воскресенье? Особенно учитывая, что его и в обычные-то дни звонками особо не баловали. С того времени, как немолодой уже вице-адмирал практически отошел от дел, занимаясь сейчас только преподаванием, интерес к его персоне у окружающих мало-помалу угас. И сейчас герой минувшей войны (да-да, самый настоящий герой, и маленькая звездочка высшей советской награды, уютно устроившаяся на парадном кителе, тому свидетельницей) тихо доживал свой век, никому не мешая и ни во что не вмешиваясь.

– У аппарата.

– Здравствуйте, Владимир Александрович, – голос в трубке был незнаком. – Я приношу извинения за раннюю побудку, однако через час вас хотел бы видеть товарищ Кузнецов...

Еще через сутки Белли, держась чуть позади командующего советским флотом, уже входил в кабинет Сталина. Руководитель огромной, крупнейшей в мире державы выглядел отнюдь не парадно. Усталый, постаревший... Однако взгляд его по-прежнему был острым, твердым, улавливающим каждую мелочь.

Однако если сам факт вызова к Сталину выглядел удивительно, то новое предложение в буквальном смысле слова ошарашило. И Кузнецов, вот зараза (а еще ученик, пусть и бывший), и словом не обмолвился. А ведь знал, не мог не знать, такие вопросы с кондачка не решаются. Но, пускай задача и выглядела невероятно трудной, отказаться было выше его сил. Хотя, конечно, по результатам ее выполнения можно было как попасть в историю, так в нее и влипнуть, уж это-то Белли отлично понимал.

В самом деле, перевести на Дальний Восток сводную эскадру разнотипных кораблей при возможном противодействии обладающего всеми возможными преимуществами противника – задача сама по себе нетривиальная. А потом, может статься, придется возглавить эту эскадру в бою... Словом, очень тяжело – и очень заманчиво, ведь со времен Рождественского такое не удавалось никому. И то, царский адмирал смог выполнить лишь первую часть задачи, хотя, надо признать, и вполне неплохо, что бы там про него ни говорили. Испытание? Да. Но за спиной Белли стояли тени его предков, людей, во флоте известных, в том числе и храбростью. И старый адмирал отнюдь не собирался посрамить их память.

Откровенно говоря, именно дальний переход и выглядел в этой истории самым сложным. Уж драться-то мы умеем – так для себя решили все, и, в принципе, имели все основания на подобный ход мыслей. Воевали, умирали, побеждали... Но с переброской сил на такие расстояния в условиях войны дела еще не имели.

Теоретически путей хватало, на практике ж все обстояло куда проблематичнее. Самый простой вариант, с переброской по изрядно модернизированному и расширенному Суэцкому каналу, не подходил по одной-единственной причине – уж больно он выглядел очевидным. Японцы – не дураки, наверняка ведут наблюдение за регионом, и шанса нанести удар с авианосца по лишенным маневрам кораблям, предварительно засыпав все подходы минами с тех же самолетов, не упустят.

Второй вариант, через Панамский канал, выглядел не лучше. Мало того, что переход по нему был чреват теми же осложнениями, так еще и ширина канала не позволяла провести по нему многие корабли. Не зря американцы вынуждены были зауживать свои линкоры. Так что выбор вариантов оказывался не так уж и велик – тем же путем, что и эскадра Рождественского сорок лет назад. И, учитывая дальность перехода, с теми же проблемами. А главное, с тем же финалом. Японцы, уж это Белли понял сразу, фактически подталкивали их к тому, чтобы идти во Владивосток – других полноценных баз в тех местах не имелось. А стало быть, узкоглазые выбирали идеальные для себя место и время боя. Там, на островах, самолетов можно было разместить хоть тысячу, хоть пять, и завалить корабли Альянса бомбами. Учитывая, что адмирал Ямомото в своей тактике опирался именно на авиацию, это было предсказуемо.

Когда Белли высказал такое предположение, его немного покритиковали – и согласились. Неудивительно, что практически вся работа объединенного военно-морского штаба свелась к поиску выхода из образовавшегося тупика, и жаркие споры на дикой смеси русского, немецкого, французского и итальянского языков наверняка создавали массу проблем контрразведчикам, которые, по долгу службы, обязаны были за всем этим бардаком приглядывать. Попробуйте, разберите, кто что говорит и имеет в виду, особенно с учетом флотского жаргона и неудобоваримой терминологии.

Кто предложил тогда вести флот Северным морским путем, Белли точно вспомнить так и не мог, – как бы не сам Лютьенс, немец примчался в Ленинград из Берлина и засел в городе на Неве безвылазно. Создавалось впечатление, что старому пирату здесь просто нравилось. Кто знает, может, и так. Лютьенс присутствовал практически на всех обсуждениях и, как правило, молчал, но периодически вставлял пару фраз, вдребезги разбивая чьи-то доводы либо добавляя накала спору. В одном из них и родилась идея, которую упорно отгоняли прочь, но она каждый раз всплывала, все более закрепляясь в умах адмиралов. И достаточно быстро стало ясно: северному походу быть.

Белли очень удивился бы, узнав, что Лютьенс не просто уверен в возможности перехода через Заполярье, немецкий адмирал ЗНАЛ, что такой переход возможен. В истории, которой уже не суждено было состояться, в ту войну с Дальнего Востока на Северный флот были переданы несколько эсминцев, которые прошли Ледовитым океаном без особых проблем. Конечно, ударный флот малость побольше, но и группировку ледоколов ему можно придать куда более многочисленную. К тому же, чтобы идти через сравнительно молодые льды, линкорам помощь и не требуется. В восемнадцатом году, уходя из Гельсингфорса, балтийские линкоры-дредноуты проламывались через замерзшую Балтику лучше даже, чем ледоколы специальной постройки. Да и, опять же, в прошлой истории линкор «Ройял Соверен» «подрабатывал» на севере в качестве ледокола. Так что задача проводки броненосной армады выглядела тяжелой, но отнюдь не безнадежной. И, вдобавок, переброска сил таким неожиданным маршрутом наверняка станет для японцев полной неожиданностью.

А вот здесь взвыл товарищ Папанин. Иван Дмитриевич, человек незаурядной храбрости и немалого таланта как руководитель, совсем недавно ставший контр-адмиралом, подпольщик,

диверсант, чекист... Полярный волк, посвятивший исследованию Арктики, если не большую, так уж точно лучшую часть жизни, более двадцати лет. Доктор наук, руководитель первой дрейфующей станции, фактически установившей за СССР приоритет в исследовании Ледовитого океана.

В не таком уж и далеком будущем про него расскажут много и разного. В основном зло-смешного, вроде истории со знаменитым маузером. Но собаки лают – а караван идет. Этот незаурядный во всех смыслах человек видал такое, что иным не снилось ни в мечтах, ни в кошмарах. Сейчас же Папанин возглавлял Главсевморпуть, в его ведении находились все перевозки по Ледовитому океану. И он, как никто другой, понимал, сколько трудностей возникнет при переходе такого количества кораблей.

К его глубокому сожалению, быть он мог сколько угодно, зато без толку. Сталин верил Лютенсу, а немец сказал – получится. И приходилось теперь Папанину заниматься небывалой по размаху операцией, да еще и в жестком цейтноте по времени. Полярное лето коротко...

Еще информация о маршруте вызвала легкую оторопь у итальянцев. Южанам совсем не улыбалось тащиться через высокие широты и мерзнуть в Заполярье. Однако Черный Князь лишь бровями шевельнул – и протесты увяли будто сами собой. Навел порядок, ничего не скажешь.

Однако северным путем отправлялась только половина кораблей, остальные же... А вот это было секретом, и Лютенс на все вопросы лишь делал вид, что не понимает, о чем речь. А ведь понимал, уж Белли-то отлично знал, что адмирал владеет русским как бы не лучше его самого, говорит практически без акцента – вот что значит русская жена... Но здесь и сейчас немец молчал, как рыба об лед, а значит, имелись у него какие-то секреты, и оставалось уповать лишь на то, что знаменитый флотоводец знает, что делает. И, естественно, никто не знал, о чем Лютенс разговаривал вначале с гауляйтером Канады, а позже со «сладкой парочкой», Королевым и Брауном, конструкторами, люто ненавидящими друг друга, но при этом ухитряющимися работать совместно весьма плодотворно. Да и о самих встречах мало кто знал...

Майор Петров злобно побарабанил пальцами по столу. Ситуация его раздражала. Не тем, что скоро предстоял однозначно тяжелый бой – как раз к этому еще достаточно молодой для своего звания офицер был готов. Однако то, что его каждый раз отправляют на самые тяжелые участки, откровенно бесило.

Конечно, удивительного в том ничего не было. Самый опытный командир батальона в полку. Первый в очереди на командование самим полком, как только пойдет на повышение его нынешний командир, подполковник Лозицкий. Опыт Американской кампании и три ордена, которые о чем-то да говорят. Большинство офицеров их совсем недавно сформированного полка ничем подобным похвастаться не могли в принципе.

Доверие командования – это, конечно, хорошо, но сейчас это означало, что его батальону предстояло остановить прущие лавиной японские танки. Хотя бы на несколько часов, чтобы дать отступающим советским частям время организовать какое-то подобие обороны. А значит, тридцать два танка, из которых восемь ИС-3 и двадцать четыре Т-44/100, отступать не имели права. Но и гореть как-то тоже не хотелось...

Не только его батальону, правда. Хороши бы они были тут без пехотного прикрытия. Однако то, что им придали... М-дя... В общем, союзники, и этим все сказано.

Полторы сотни приданных им кавалеристов местной, монгольской армии доверия решительно не внушали. Не потому, что были трусливы, плохо обучены или нестойки. Как раз нет. Монголия не зря считалась ближайшим союзником СССР, едва ли не его частью. Монгольская кавалерия была хороша (что в несостоявшейся здесь истории не раз демонстрировала на советско-германском фронте), и обучали местных вояк отменно. Вот только не так их обучали.

Современная конница, а Петров – офицер думающий и неплохо подготовленный – это отлично знал, серьезно отличалась от той, что была тридцать лет назад. Лихие кавалерийские атаки с шашками наголо безвозвратно ушли в прошлое, оставшись в лучшем случае эпизодом в случае ну **ОЧЕНЬ** благоприятных обстоятельств. А в целом лошади теперь стали всего лишь средством повышения мобильности пехоты. Элитной пехоты, чего уж там, усиленной тяжелым вооружением и способной решать задачи, ранее кавалерии в принципе недоступные. Но главное – все же пехоты, способной при нужде быстро закопаться в землю, создав устойчивую линию обороны.

А монголы в плане тактики использования живой силы отставали, и их конница – это просто конница, не умеющая того, что для их советских коллег являлось само собой разумеющимся. И организовать из них реальное прикрытие будет не просто сложно. Задача выглядела зубодробительной, и как из нее выкручиваться, Петров себе пока что даже не представлял. А главное, у этих, с позволения сказать, кавалеристов не имелось даже намека на артиллерию. Противотанковые гранаты подвезли, целую полуторку. И – все.

Петров с удовольствием расстрелял бы пару-тройку интендантов, а заодно и штабных деятелей, из-за которых ему предстояло что-то срочно родить на пустом месте посреди сухой монгольской степи, но, увы, возможности не было. Да и не помогло бы, если уж положить руку на сердце говорить. Так что оставалось метаться по окрестностям, спешно проводя рекогносцировку – нормальных карт в штабе тоже не нашлось.

Идиотизм, конечно, переправлять только что сформированный полк через всю страну и с колес бросать в бой, но что сделано – то сделано, думал майор, расположившись на броне тщательно замаскированного командирского танка и с омерзением жуя уже набившую оскомину тушенку. Именно в этот момент его внимание и привлек рев двигателей, быстро и неуклонно накатывающийся на расположение батальона. Первой его реакцией было сыграть тревогу, но уже через пару секунд комбат сообразил – свои. Во-первых, идут с тылу, а во-вторых, двигатели, или хотя бы часть из них, явно дизельные. Для советских войск – уже стандарт, бензиновые остались только в частях, расквартированных на Аляске. Там горючее поставляют немцы, из Канады, поэтому с бензином проще, чем с соляжкой. В метрополии же дизеля и только дизеля, плюс максимальная унификация, что разом снимает кучу проблем со снабжением. Японцы же хотя и тоже используют на своих танках дизеля, но на тех, что поставили им американцы, если верить разведчикам, стоят бензиновые моторы. Для привычного уха звук совсем разный, и захочешь – не перепутаешь. Да и часовые не зря молчали...

Источником звука оказалась колонна бронетранспортеров, неспешно втягивающаяся в расположение батальона. Ни много, ни мало, а целых три десятка машин. Половина на базе полноприводных грузовиков-студебеккеров, уже года три производящихся в Свердловске – от США в счет репараций получили завод и документацию на эту технику, а бронетранспортер уже свои умельцы склепали. Машины по проходимости немного уступали отечественным ЗиС-32, но зато наличие завода обеспечило возможность сразу же развернуть их массовое производство.

Остальная техника, с лязгом надвигающаяся на хозяйство Петрова, – переделанные танки БТ ранних модификаций, снятые с вооружения. На их базе бронетранспортеры получались так себе – на шесть человек, и то тесно, зато броня и проходимость лучше, чем на колесных машинах. Что те, что другие людьми набиты под завязку, на всех крупнокалиберные ДШК, а к колесным прицеплены грабинские трехдюймовки. Ну, и при всем этом великолепии четыре танка охранения. Т-34, вроде тех, на которых Петров воевал в Америке. Машины немного устаревшие, но еще вполне грозные. В общем, то, что надо.

Но по-настоящему Петров удивился, когда солдаты начали выпрыгивать из своих бронированных гробов. Немцы! Дисциплинированные, обмундированные, экипированные, словно явились сюда прямиком с обложки агитационных газет. И командир им под стать – идет, только

полы черного кожаного плаща развеваются, да сапоги, до блеска начищенные, посверкивают. Как он не запарился, пока ехал? И что-то есть в нем знакомое...

– Курт?

Ну да, кто же еще. Курт Борман, тот самый, на пару с которым они в свое время героически в Америке. Все такой же спокойный, уверенный в себе... Разве что тогда немец был старше по званию, а сейчас оба они майоры – в советской армии традиционно растут чуть быстрее. И рукопожатие осталось прежним – крепким и резким, как удар в боксе.

– ...ну, а я, как узнал, что ты здесь, потребовал, чтобы меня именно к тебе на помощь и направили, – Борман лопал тушенку так, что даже смотреть на это было вкусно, и бодро рассказывал о своей эпопее. – А то без присмотра тебе быстро голову оторвут. Не волнуйся ты так, что мы, с тобой на пару японцев не поколотим?

А тогда, в Америке, ему бы и в голову не пришло так говорить – пообщался с русскими и многим от них заразился. Не такой уж и чопорный народ эти немцы, особенно с учетом того, как сейчас заливалась их пропаганда, объявляя немцев и русских народами родственными, арийскими. И произношение у Курта с того времени тоже стало практически чистым. Но, конечно, шапкозакидательские настроения – это совсем не есть гут, хотя, надо признать, шансы выжить повысились резко. Достаточно было посмотреть на то, с какой скоростью оборудуются позиции для орудий, а саперы расставляют для японцев противотанковые сюрпризы, чтобы на сердце стало куда веселее.

Как оказалось, немцев сюда перебросили по воздуху. Все транспортные самолеты люфтваффе были задействованы в грандиозной по масштабам операции, обеспечивая невиданный ранее по скорости маневр живой силой. Именно людей – техники у СССР здесь хватало, а вот с солдатами получалось не слишком хорошо. Мало было на Дальнем Востоке народу, чего уж там. Однако немецкие части, опытные и прекрасно подготовленные, хотя бы частично заполнили получившуюся брешь, и это оказалось для японцев неприятным сюрпризом. Во всяком случае, здесь, в месте, где утром их передовые части напоролись на танково-артиллерийскую засаду и, потеряв почти пятьдесят машин, вынуждены были откатиться. Они опоздали буквально на несколько часов, дав обороняющимся время закрепиться, и в результате маленький эпизод превратился в завязку первого серьезного сражения новой войны.

Именно так, со всеми атрибутами – работой крупнокалиберной артиллерии, танковыми атаками, ударами авиации... Хорошо еще, немцы, помимо людей, успели перебросить на этот участок несколько десятков истребителей, серьезно усилив немногочисленные из-за потерь советские ВВС. Застоявшиеся без дела немецкие асы не отказались от возможности пополнить боевой счет, а заодно испытать новые самолеты. И потому японские летчики вынуждены были заботиться в основном о собственном выживании, а не о точных ударах, иначе обороняющихся выбили бы в первые часы. Но воздушная карусель быстро подорвала силы обеих сторон, и бой перешел в затяжную фазу.

Сводная часть продержалась на позициях двое суток, вплоть до полного исчерпания боезапаса, после чего отошла, потеряв большую часть техники и четверть личного состава. Тяжело, но жертвы эти оказались не напрасными. За время, купленное ценой их жизней, успели подойти, развернуться в боевые порядки и организовать полноценную оборону две полнокровные дивизии...

Драка была страшная. С обеих сторон противники гнали войска, и в кои-то веки у русских это получилось немного лучше. Все же железная дорога, пускай и не вполне отвечающая требованиям времени – это не степи, на форсирование которых японцы тратили драгоценное топливо и не менее драгоценный моторесурс. Шли эшелоны с пехотой, тяжело громыхали на стыках платформы, на которых, укрытые брезентом, ехали танки. И свои, и немецкие – Ромель не мог упустить случая обкатать в боевых условиях новую разработку своих оружейников. Так что очень скоро японцам предстояло вплотную познакомиться с бронированными

гигантами, защищенными даже лучше, чем советские ИСы, и вооруженными обладающими невероятной баллистикой восьмидесятивосьмимиллиметровыми зенитками, которые сумрачный тевтонский гений ухитрился впихнуть в танковые башни. Шли полностью укомплектованные танкоремонтные мастерские – технику по возможности предстояло восстанавливать на месте. Шли успевшие стать знаменитыми «катюши». Словом, очень много грузов, и никто не мог понять, почему при таком напряжении сил на Дальний Восток идут составы с какими-то непонятными контейнерами, на военные грузы совсем не похожими.

Подводная лодка I-25 неспешно подбиралась к Суэцкому каналу. Успешно проскочив мелководные участки, благо пыльная буря надежно маскировала лодку (мешая, правда, ориентироваться и ей самой, но команда на I-25 была опытная, а штурман в свое время не раз ходил в этих водах), субмарина вышла в относительно безопасный район с большими глубинами. Красное море коварно, однако это относится и к тем, кто охотится, и к тем, на кого охотятся. Вне зависимости от того, как они меняются ролями.

Теоретически эти воды контролировали немцы, попробуй только всплыть, но на практике Красное море – не лужица. Конечно, радары... Но на I-25 недавно установили новинку, позаимствованную у американцев, которую сами янки во время большой войны нагло сперли у немцев. Шнорхель – труба, соединяющая подводную лодку с поверхностью и позволяющая идти в подводном положении не на электродвигателях, а под дизелями, резко повышала ее возможности. Теперь пережившая модернизацию субмарина могла идти до места, не всплывая, и радары немцев были против нее бесполезны. А значит, шансы выполнить задачу имелись.

Откровенно говоря, капитану второго ранга Гора Накамура задание не нравилось. Ему вообще не нравились расклады. Болтаться две недели непонятно для чего – и вдруг нестись вперед, минировать подходы к каналу. Как-то это было непонятно, хотя, разумеется, не по рангу командиру субмарины обсуждать приказы. Вот он и вел свой небольшой, всего-то в две с половиной тысячи тонн водоизмещением, корабль, не подозревая даже, что приказ был отдан сразу после того, как в Японии рухнула последняя надежда на то, что Германия останется в стороне от конфликта. Но – на фронте появились немецкие солдаты, а значит, война началась, и первый удар японское командование решило оставить за собой.

К расчетной точке I-25 вышла с небольшим опозданием – забарахлил один из дизелей. Механики смогли в сжатые сроки привести его в чувство, но два часа все же потеряли. Как ни странно, именно это спасло подводную лодку. Ночи здесь были темные, и вряд ли в перископ удалось бы обнаружить чужие корабли, сейчас же Накамура не только рассмотрел их, но и определил, с кем имеет дело. От этого знания он моментально ощутил неприятную тяжесть в животе, но все же превозмог недостойный самурая позыв нырнуть в галюн, а принялся отдавать команды, четкие и точные, как учили.

А ему было, чего бояться. Подходы к каналу охранял не кто-нибудь, а «Принц Ойген». В принципе, его несложно было перепутать с любым другим крейсером типа «Адмирал Хиппер», но то, что остальные сейчас в Атлантике, не оставляло выбора. «Ойген», а значит, смерть...

Этот крейсер по сравнению как с одноклассниками других флотов, так и с систершипам, обладал важной особенностью. Его корпус был буквально утыкан гидрофонами, что позволяло контролировать огромное пространство и обнаруживать противника не хуже, а во многих случаях и лучше радаров. Экзотическая модификация тяжелого крейсера просто обязана была засечь I-25 еще на подходе.

Ни Накамура, ни остальные моряки не знали, что спасло их в ту ночь. Чудо, не иначе. В принципе, так оно и было. Точнее, сочетание сразу трех случайностей. Во-первых, командир субмарины приказал на подходе к цели перейти на электрический ход, куда более тихий по сравнению с грохочущими дизелями. Ну, а во-вторых, погода. Недавний шторм взбаламутил и перемешал слои воды. Подводная лодка шла в теплом, а ниже и выше расположились холодные

слои, чуть отличающиеся по свойствам и создавшие своеобразный экран, рассеивающий звук. Ну и, разумеется, старые итальянские линкоры, участвующие в прикрытии канала и создающие мощный звуковой фон.

I-25 проскочила и выставила у входа в Суэцкий канал двадцать четыре мины – больше у нее на борту просто не было. На минах этих уже утром подорвался груженный рудой транспорт, а двумя часами позже небольшой танкер.

Движение кораблей оказалось прервано на неделю – вначале тушили разлившуюся нефть, затем тралили мины. Накамура узнал об этом лишь через неделю, успешно вернувшись на временную базу. Впрочем, радость от успеха была значительно омрачена. Как оказалось, из восьми субмарин, посланных, чтобы заблокировать канал, успеха добилась лишь одна. Остальные попросту не вернулись. Должно быть, не все оказались столь удачливы.

Но самого обидного Накамура так и не узнал. Его рейд, тяжелый и дерзкий, направленный на то, чтобы остановить немецкий флот, буде он попытается пройти в направлении Японии кратчайшим путем, оказался ударом в пустоту. Размен семи субмарин на два гражданских судна и недельный паралич перевозок вряд ли можно назвать выгодным. А флот, который мины должны были затормозить, а при удаче и нанести ему урон, к тому времени уже давно был в море и шел совсем иными путями.

– В ночь перед бурей на мачте горят святого Эльма свечи... – мурлыкал себе под нос адмирал Лютьенс вспомнившуюся песнь из своей прежней молодости. На немецком корабле песня на русском звучала немного дико, но здесь уже привыкли к тому, что командующий иногда выдает что-нибудь этакое. Наверное, списывали на влияние русской жены и плотное общение с коллегами из СССР, которые – это знали все немцы – способны запросто спойть любого. И внезапных привычек, когда вредных, а когда и не очень, от них можно нахвататься много и запросто.

А Колесников, кстати, активно обдумывал вопрос, что делать с теми обрывками книг, песен и мелодий, которые завалялись в его памяти. Против того, чтобы все это сгинуло вместе с ним, протестовала рациональная немецкая натура. Выдавать, как собственные сочинения – не поймут... Оставалось пока что записывать то, что всплывало, а потом... Ну, можно, к примеру, Хелен отдать. А она уж придумает... Да хоть под своим именем издаст, что ли. Как раз ей, известной журналистке, такое в самый раз. И другие варианты есть. Однако все это могло обождать. До конца похода уж точно.

Огни святого Эльма, между тем, и в самом деле имелись. На антеннах, кончиках мачт, даже на орудийных стволах, раскрашивая корабли непредусмотренной конструкторами то желтой, то белой, а то и фиолетовой иллюминацией. Красота! Демаскирует только ужасно.

Саму бурю эскадра успешно обошла. Спасибо метеорологам – размещенные практически повсюду, даже в Антарктиде, станции позволяли делать достаточно точные прогнозы, и в результате мощный шторм прошел стороной. Разве что легкое волнение, тяжело вспарывающим волны громадам линкоров совершенно нестрашное, зацепили. Хотя, конечно, более легким кораблям пришлось хуже.

Колесникова не особенно волновали демаскирующие свойства природного явления. Попробуйте, отыщите флот, пускай даже такой большой, на просторах океана. В котором, к слову, не так уж много островов, пригодных для строительства баз. Эти просторы – лучшая маскировка. Вряд ли удалось скрыть сам факт выхода в море такой армады – как ни старалось ведомство «папаши» Мюллера, но оно не всемогуще. Однако перекрыть частой сетью просторы Мирового океана сил не хватит никому, все же человечество, при всех своих достижениях, отнюдь не всемогуще. Да и сам флот отнюдь не беспомощен, широко раскинув сеть кораблей охранения и непрерывно ощупывая пространство вокруг не видимыми и неосязаемыми, но эффективными лучами радаров.

Ради повышения эффективности контроля пространства Колесников даже приказал выдвинуть в передовое охранение новинку – корабли ДРЛО. Еще во время Британской кампании, оценив возникающие проблемы с радарам, он понял, что их надо решать, и как можно быстрее. Если после нескольких минут боя на абсолютно неповрежденном корабле выходит из строя радар, не выдержав сотрясения от собственных залпов, это чревато фатальными последствиями. Естественно, что немецкие инженеры получили задание решить вопрос. В качестве доведка им были переданы трофейные британские разработки, и работа закипела.

К сожалению, как успел убедиться Колесников, сумрачный тевтонский гений был склонен рождать крайне сложные, склонные к гигантизму конструкции, притом, что с задачами, более приземленными, частенько не справлялся. Так вышло и сейчас. Несмотря на все усилия, подкрепляемые как материально, так и морально (Колесников как-то, разозлившись, пригрозил отправить всех разработчиков в концлагерь, а кое-кого, то ли саботажников, то ли просто лентяев, даже и отправил), технологического прорыва добиться не удалось. В войну с США корабли вступили с незначительно модернизированными радарам британской разработки, которые были точнее, дальнобойнее, но отнюдь не надежнее германских. Слабым утешением оказался тот факт, что у русских союзников результаты выглядели не более впечатляющими. И, что вдвойне обидно, за прошедшее с той войны время принципиального улучшения ситуации не наблюдалось.

Сообразив, что придется в очередной раз брать дело прогресса в собственные руки, Колесников выругался на трех языках и собрал большое совещание, в ходе которого и родилась концепция кораблей дальнего радиолокационного обнаружения. Взяв за основу удачный британский проект крейсеров типа «Фиджи», благо верфи островной империи, а также их персонал, достались победителям не слишком пострадавшими, и для разворачивания производства особых усилий прилагать не пришлось, немцы творчески довели его до ума. Ранее «Фиджи» послужили основой для кораблей ПВО, сейчас же их основным оружием стали радары. Артиллерии – минимум, только для защиты от самолетов противника, но зато теперь «зрение» немецкого флота стало не только острее, но и надежнее. Особых сотрясений на таких кораблях не ожидалось в принципе, и сейчас они весьма органично дополняли системы, установленные на ударных кораблях.

Однако радары радарам, а старых, проверенных временем систем никто не отменял, поэтому вокруг кораблей непрерывно патрулировали небо летающие лодки. Словом, к появлению врага флот был готов, и потому демаскирующий эффект огней святого Эльма выглядел не слишком опасным. Любого противника удастся засечь раньше, чем тот выйдет на дистанцию визуального обнаружения.

Куда неприятнее, на взгляд адмирала, было происхождение этой красоты. Коронный разряд, электричество в чистом виде. А оно, несмотря на кажущуюся изученность, периодически ухитряется преподносить сюрпризы. А ну как что-то подпалит? Не на военном корабле, разумеется, но... Но было у флота еще одно звено, и очень важное, которому лишние искры решительно противопоказаны.

Танкеры. Целая эскадра, специально построенных для дальних переходов. Классическая продукция двойного назначения – можно возить нефть, а можно и флот сопровождать. Конечно, ядерные силовые установки крейсеров будущего Колесников вспоминал с ностальгией, но и такой вариант выглядел сейчас вполне приемлемым. Быстроходные, оснащенные дизель-электрическими силовыми установками и способные длительное время идти двадцатипятиузловым ходом, танкеры развязывали ему руки и обеспечивали свободу маневра. Вот только... Не рванул бы какой от этих огоньков атмосферных.

Впрочем, иллюминация продолжалась уже давно, и никаких проблем, кроме помех для радиосвязи, пока не доставляла. Так что оставалось лишь махнуть рукой и ждать, когда все закончится само собой. Все равно изменить что-либо он был не в состоянии.

Колесников облокотился на подставку компаса и перевел взгляд с грозно-величественного моря и не по-уставному сияющих кораблей на палубу, где обнаружил вопиющее безобразие. Матросы, вместо того, чтобы заниматься делами, сгрудились вокруг боцмана, седого, но все еще могучего пятидесятилетнего мужчины, начавшего служить при кайзере. Судя по всему, не ради получения распоряжений или взысканий, а просто так, байки послушать. Адмирал мысленно усмехнулся. На любом другом корабле германского флота подобное немыслимо, но здесь-то не любой! «Шарнхорст», самый заслуженный корабль. И самый воевавший, здесь любой матрос – ветеран и в чем-то герой. И порядки на флагмане совсем иные. Меньше показушной дисциплины, которая в восемнадцатом году не спасла флот от бунта, зато масса реальной боевой работы. Элитный корабль – элитный экипаж, и в свете этого флаг с черепом и костями производил впечатление уже не комичное, а зловещее.

Сзади раздались шаги. Колесников обернулся, кивнул приветственно:

– Добрый вечер, Гюнтер.

– Добрый вечер, герр адмирал, – вахтенный офицер неторопливо приблизился. – Желаете кофе?

– Пожалуй, что нет. Потом не засну. Это вам, штурманам, положено им наливаться до ушей и сутками бодрствовать, а мы, старики, за своим здоровьем следить должны. О чем там боцман молодым рассказывает?

– Легенду о Летучем Голландце. Как всегда, снабдив ее новыми жуткими подробностями. Фантазия у него работает хорошо.

– Да уж, ему бы книги писать... Кстати, это идея. Приставить к нему парнишку пошустрее – и пускай записывает все эти легенды.

– Не знаю, герр адмирал, – штурман облокотился на поручни. – Сейчас матрос такой пошел, что его не особенно-то и впечатлишь. Не далее как вчера он уже свою волюнку заводил, так один и говорит: «И кого нам бояться? Любого голландца с одного залпа утопим, хоть летучего, хоть ползучего».

– Кхе, – адмирал замаскировал под кашлем смехок. – Уел, нечего сказать. Но вообще, стоит записать, стоит. Не запишем – еще какая-то частица культуры уйдет в вечность. Пусть даже такая... специфическая.

Штурман лишь молча склонил голову, признавая правоту адмирала, и Колесников, продолжая усмехаться, направился к себе. Все пока развивалось по плану, флот неспешно и уверенно направлялся к мысу Горн. И больше всего адмирал сейчас жалел, что ядерное оружие в этой истории все еще не создали, да и не очень-то стремились. Оно зло, конечно, но как же просто можно было бы сейчас решить все вопросы. А то, что это штука, в общем-то, преступная, во всяком случае, так считали в его время – так то чушь. Хотя бы из-за того, что ни одного международного договора, запрещающего или хотя бы ограничивающего его применение, здесь не было. Ну а на нет и суда нет, обычное оружие, не хуже и не лучше любого другого. Увы, сейчас оставалось полагаться лишь на конвенционные варианты, что Колесникова, впрочем, не пугало.

Когда говорят о Крайнем Севере, то, как правило, вспоминают долгую полярную ночь, забывая при этом, что вслед за ней приходит день. Тоже долгий. В это время солнце не заходит вообще, на побережье огромная масса птиц, гонят к океану стада оленеводы, рождаются детеныши у зверей... А еще именно в это время льды хоть немного отступают, и начинается короткая, но интенсивная навигация.

Японцы допустили непростительную ошибку. Начни они войну чуть позже – и эскадру пришлось бы гнать кружным путем. Однако весеннее начало боевых действий давало советским морякам дополнительную степень свободы и время, пускай и крайне ограниченное, на

подготовку и, собственно, переход. Почему японцы начали именно в тот момент? В Советском Союзе об этом могли только догадываться.

Флот, идущий через арктические льды, сопровождали пять лучших ледоколов, имеющих у СССР. «Иосиф Сталин», «Вячеслав Молотов» и «Анастас Микоян» – новейшая, предвоенная серия ледоколов – были, пожалуй, лучшими и мощнейшими кораблями этого класса в мире. Четвертый корабль, «Красин», являлся их прототипом. Постарше, поменьше... Пятый – легендарный «Ермак». Конструкторский гений адмирала Макарова заложил в него такой запас прочности, что первенец линейного ледоколостроения даже сейчас выглядел вполне достойно. Дополнял эту мощь ледорез «Федор Литке», в легком льду порой способный работать даже эффективнее «классических» ледоколов.

Мощь, да... Пожалуй, еще ни разу такое количество ледоколов не собиралось вместе. Однако и такую армаду по Ледовитому океану никто провести не пытался. А главное, технически это выглядело крайне сложно. Линкоры типа «Советский Союз» были почти вдвое шире ледоколов, да и их итальянские собратья в плане габаритов ненамного им уступали. Как их вести... Оставалось надеяться, что льды на пути окажутся не самыми толстыми, а броневой пояс выдержит удары льдин. Впрочем, и свои плюсы имелись. Если линкоры пройдут, то остальным кораблям за их спиной и вовсе бояться нечего.

Однако главным оружием русских моряков в этом походе оказались не могучие ледоколы, а то, что сложнее оценить материально. Колоссальный опыт ледовых походов и накопленный десятками исследовательских станций материал, позволяющий уверенно ориентироваться в обстановке. Советские ученые умели прогнозировать и скорость дрейфа, и состояние ледяных полей, а значит, прокладывать оптимальные маршруты там, где остальные опустили бы в бессилии руки. И потому, хотя операция и выглядела невероятно сложной, шансы на успех у нее имелись.

Вел караван капитан первого ранга Белоусов, личность по-своему легендарная. Именно он несколько лет назад, командуя ледоколом «Сталин», ухитрился вывести из льда наглухо, казалось бы, затертый «Георгий Седов», дрейфовавший к тому времени уже два с половиной года. По слухам (Белли не пытался найти им подтверждение или опровержение, но ходили они упорно), вначале командовать походом намеревались поставить нынешнего командира «Сталина», капитана Владимира Ивановича Воронина. Опытнейший командир ледокола и впрямь имел неплохие шансы возглавить бросок через океан, но вмешались два момента. Во-первых, Белоусов оказался банально шустрее. Никто кроме него не мог похвастаться тем, что дважды проходил Северным морским путем за одну навигацию. А во-вторых, тот случай, который некогда поднял Воронина на вершину славы, теперь весьма мешал его карьере.

Именно Воронину в свое время довелось командовать знаменитым «Челюскиным». Пароход, который благодаря авантюризму знаменитого полярника Отто Юльевича Шмидта пошел в чересчур рискованный рейс и погиб, раздавленный льдами, стал в тридцатые годы символом мужества и неплохим инструментом для политических игр. Сложно даже сказать, совершил ли Воронин какие-либо ошибки в той злополучной экспедиции, но, как говорится, «или он шинель спер, или у него, но что-то такое было». И хотя тогда его встречали, как героя, сейчас эта история знаменитому полярному капитану помешала. И, судя по всему, не в первый раз.

Впрочем, Белли это волновало мало – у старого адмирала и своих забот хватало. И день, когда подготовка закончилась и флот отправился в поход через белое безмолвие, показался ему воистину славным. В этот день он смог наконец отдохнуть...

Откровенно говоря, хоть каким-то боком контактировать с Аргентиной Лютенс не собирался. С учетом танкеров снабжения, для первого этапа похода ему топлива хватало с запасом. Но, увы, человек предполагает, а погода располагает. И очередной шторм, широкой полосой идущий

щий навстречу, было не обойти. Восемь-девять баллов – это, конечно, не смертельно, линкоры проломались бы через них без особых проблем, да и крейсера с авианосцами, пожалуй, тоже. Вот только как быть с эсминцами, которые если не потопит, то покалечит? Транспортным кораблям и танкерам тоже достанется, это уж с гарантией. Не тот случай, чтобы лишний раз рисковать. Оставалось укрыться, и выбор мест не баловал разнообразием. Фактически оставалась только Аргентина, занимающая большую часть побережья. Хорошо еще, что в этой стране диктаторов и переворотов к немцам относились с немалым пиететом, а стало быть, лишних проблем не ожидалось.

Аргентинские моряки, ни шатко, ни валко тянувшие лямку на главной военно-морской базе Аргентины, Пуэрто-Бельграно, от этого визита пребывали, наверное, в состоянии глубокого шока. В самом деле, им было, от чего ронять челюсти. Ты живешь спокойно, вдали от мировых потрясений, и самые грозные корабли, которые ты видишь, это два вконец уставших дредноута американской постройки, принадлежащие твоему собственному флоту. И когда вдруг в порт, не спрашивая разрешения, вваливается чертова дюжина линейных кораблей, половина из которых вдвое больше любого аргентинского, а остальные просто больше, то жить становится весьма интересно. В смысле, жить, а не умереть. И это притом, что кроме линкоров здесь еще куча кораблей поменьше. И артиллеристы береговых батарей, трусы проклятые, даже не попытались сыграть боевую тревогу. Сообразили, видать, что в этой ситуации жить им ровно до того момента, как линкоры развернут башни. В общем, невесело.

Хорошо еще, что немцы не пытались ничего захватывать – они всего лишь хотели переждать бурю. Хотя, если бы захотели, их возможностей вполне хватило бы, чтобы разгромить аргентинские вооруженные силы походя, не отрываясь от завтрака. Но адмиралу Лютьенсу не нужна была Аргентина, ему всего-то требовалась укрытая от ветра стоянка. И, так как разместить всех в Пуэрто-Бельграно возможности не было, пришлось увести часть кораблей в расположенный неподалеку, на берегу живописной и весьма удобной бухты городок Баия-Бланка. Эту группу Лютьенс возглавил лично, просто потому, что к моменту, когда он принимал решение, «Шарнхорст» оставался единственным линкором, еще не вставшим на якорь.

Баия-Бланка по местным меркам считался вполне себе городом. На взгляд же привыкшего к городам Европы Лютьенса, он казался разросшейся до безобразия деревней. Хотя, конечно, было в этом месте какое-то очарование. Как если бы заглянул в позавчера.

Лютьенс в Аргентине раньше бывал. Колесников – ни разу, и ему пришлось опираться на знания и восприятия прежнего хозяина этого тела. Получалось, увы, несколько однобоко. Во-первых, адмирал бывал в куда более крупных городах. Во-вторых, Колесников смотрел на Аргентину с высоты двадцать первого века, где телевидение и интернет ухитрялись, стирая одни границы, незаметно проводить новые.

Поэтому реальность аргентинской провинции оказалась несколько отличной от его ожиданий. Городок выглядел мрачной смесью былой роскоши и актуальной нищеты. Чувствовались немалые денежные вливания, когда лет сорок назад Аргентина была одним из мировых лидеров по производству говядины и прочей сельхозпродукции, что позволяло жить, мягко говоря, небедно. Однако и следы последовавшего упадка, когда более технологичный подход США и Канады вытеснил не успевших перестроиться и двинуться в ногу со сменившейся эпохой аргентинских магнатов, тоже резали глаза. Словом, здесь можно было увидеть рядом и великолепные, но пришедшие в упадок дома, хозяева которых уже не могли поддерживать их в должном состоянии, и лачуги, изначально такими бывшие. Все это придавало городу довольно грустный колорит и наводило на тяжелые мысли о вечном.

А люди... Они были одновременно открытые и доброжелательные, но в то же время настороженные. И, что характерно, молодых женщин на улицах практически не наблюдалось. Причина этого, правда, выяснилась моментально. Строгие матери не слишком доверяли чужакам, особенно морякам, у которых, как известно, вначале долгое воздержание, а потом загул.

Ну что же, им, живущим бок о бок с военной базой, виднее. Опыт есть и, судя по поведению, достаточно негативный. Хотя, с другой стороны, местные молодки и сами могут оказаться не против побывать в центре мужского внимания. Когда еще погулять, как не в молодости? Особенно если учесть, что с годами любая Василиса Прекрасная имеет шанс превратиться в Бабу Ягу в четвертом поколении...

Все это, а также многое другое, о чем спрашивали и о чем не спрашивали, разъяснил им здешний мэ́р. Идя на встречу с ним (все же они были здесь в гостях, и, несмотря на подавляющий перевес, стоило проявить к хозяевам толику уважения), Лютьенс почему-то ожидал увидеть Дон Кихота. Наверное, ассоциации с испанской литературой сыграли роль. В результате он был весьма удивлен, наткнувшись на Санчо Панса или что-то, весьма его напоминающее. Маленький, пухленький, шустрый, с блестящей от мелких капель пота лысиной и хитрым прищуром выплывших под жарким местным солнцем глаз. Однако дело свое мэ́р знал превосходно, в этом адмирал убедился, когда за завтраком, на который пригласили господ немецких офицеров, этот шустрый свободно оперировал и историей, и цифрами, не пытаясь заглянуть в бумажку. В молодости Колесникова таких называли крепкими хозяйственниками.

Что же, оно и к лучшему. Пользуясь моментом, немцы закупили для эскадры свежих продуктов, в первую очередь, отменной говядины по совершенно бросовым ценам. Мэ́р, убедившись, что немцы не собираются устраивать здесь всем кирдык со свистом, моментально переключился на другой канал, представ в образе хваткого бизнесмена. Ну, а когда ничтожная по меркам Европы, но невероятно солидная для аргентинской глубинки сумма перекочевала в городскую казну (или, может статься, в карман самого мэ́ра, гадать на эту тему никто не собирался), был организован грандиознейший банкет. Еды – завались, выпивки – тоже, девочки для офицеров – в наличии. Колесникову оставалось лишь поразиться, насколько местные нравы похожие на русские, середины девяностых.

Местной кухне адмирал воздал должное. Местному вину – тоже. На дам (и, возможно, не дам) посмотрел уголком глаза и отмахнулся – дома красивее, а он уже вышел из того возраста, когда кидаются за каждой юбкой, считая это главным доказательством собственной мужской состоятельности. Так что очень скоро все вернулось к разговору с местными олигархами. Точнее, людьми, искренне считавшими себя таковыми.

Впрочем, Лютьенс достаточно владел собой, чтобы не рассмеяться, глядя на местечковых вершителей судеб, с умным видом разглагольствующих о ерунде. Для него это было все равно, что смотреть с орбиты на пожар в коровнике, тем более, что, как он успел убедиться, вопросы реально здесь решал мэ́р. А он мог себе это позволить потому, что был назначен из столицы и имел оттуда поддержку, в том числе и силовую. И как бы провинциалы этого (да и не только этого) континента ни любили демонстрировать, что на мнение центра им плевать, всерьез оспаривать право назначенного чиновника принимать решения попыток не делалось. Чревато, знаете ли, нравы тут простые, можно и на фонаре проснуться, за шею подвешенным.

Разговором с мэ́ром он и воспользовался, чтобы улизнуть из-за стола. Его не воодушевляла компания, и, кроме того, в помещении очень быстро стало душно. Тем более, курили все... В окружающем же резиденцию мэ́ра саду оказалось достаточно комфортно. Мэ́р же, видя, что его не только благожелательно слушают, но и принимают всерьез, разливался соловьем и непрерывно сыпал идеями. Некоторые выглядели вполне грамотными, другие порой вызвали улыбку, но было у них нечто общее. Если конкретно, они все могли реализоваться, причем быстро. Кем бы ни был мэ́р, несбыточных целей он перед собой не ставил, зато к немецкому, точнее, европейскому, но сейчас это было уже практически одно и то же, капиталу присосаться весьма жаждал.

Однако в какой-то момент поток сознания местного Санчо Пансы оказался столь могуч, что Лютьенс начал терять нить разговора. Захлестнуло, наверное. К реальности его вернула выхваченная профессиональным слухом фраза о возможности устройства в Аргентине базы

немецкого флота. А вот это уже выпадало из логики. Хотя... Лютьенс аккуратно придержал мэра за локоть:

– Это не в вашей компетенции. Я так понимаю, что вы уже связались со столицей и получили соответствующие инструкции?

– Да, – мэр разом подобрался. Разбитной толстячок исчез, вместо него оказался спокойный, уверенный в себе человек со вполне военной выправкой. – Если вы согласны, то президент будет здесь послезавтра утром.

– Передайте генералу Фаррелю, – Лютьенс усмехнулся, – что я его жду и у нас будет, о чем поговорить.

Британцы любят спорт. У них спорт – буквально все, от состязаний на ринге до охоты. Зачастую дух спорта переносился и на войну. Зачем? Сложно сказать. Возможно, это отвлекало людей от жестокости и крови, защищая их психику. А возможно, и нет. Сейчас британцы были сброшены с пьедестала, но то, что еще недавно они были великой империей, признавали все. Даже поглотившие островитян победители-немцы.

Японцы когда-то учились у англичан, усваивая в том числе и их многочисленные традиции. Точнее, они считали, что усваивают. Вот только менталитет восточного папуаса и европейского джентльмена – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. И японцы забыли одну простую истину. Охота становится спортом, когда патроны уже кончились, а кабан еще жив...

Именно в такую ситуацию они и попали. Их внезапный и, надо сказать, успешный удар оказался страшен, но русский медведь отнюдь не был убит. В конце концов, завалить крупного зверя поленом по затылку или картечью в задницу достаточно затруднительно. Медведь заворочался, повернулся мордой к врагу – и за первыми успехами последовали отрезвляющие поражения.

Стремительное наступление, позволившее оккупировать большую часть Монголии и продвинуться на территорию СССР, застопорилось, будто нарвавшись на каменную стену. Как оказалось, наступать одной только пехотой под мощным артиллерийским огнем на, пускай, наскоро, но вполне грамотно возведенные линии окопов удовольствие ниже среднего, а бронетехники катастрофически не хватало. Танковые части таяли, как снег по весне, не выдерживая столкновения с жестокой реальностью в лице новейшей бронетехники Альянса. И тут же выяснился еще один маленький, но важный нюанс.

Так уж сложилось исторически, что Япония вначале покупала что-то за границей, а уже позже разворачивала производство на своих заводах. Так было с кораблями – практически все то, что они имели в начале века и с чем выиграли войну у России, строилось на чужих верфях. Корабли собственной постройки массово стали поступать на вооружение уже позже, и, к слову, вначале по купленным чертежам. Проекты собственной разработки трудно было бы назвать особо удачными.

То же самое было в авиации – вначале покупка иностранных, в основном американских, машин, потом разворачивание лицензионного производства и только потом, через достаточно значительное время, собственные разработки на своих же заводах. С танками самураи попытались переломить эту тенденцию, но то, что выходило из рук их инженеров, как бы намекало о врожденной криворукости разработчиков новой техники. Позже, набравшись опыта, японцы получили несколько более-менее успешных моделей, но к тому времени остальные ушли намного дальше, и японские танки морально устарели еще на стадии разработки.

Конечно, японцы использовали свой шанс, когда проигравшие большую войну США искали рынки сбыта и, с присущей американцем небрежливостью, готовы были продавать оружие бывшим врагам. Но вот здесь они предпочли идти тысячу раз проверенным путем – и снова опоздали, не успев пройти хотя бы до фазы лицензионного производства. По той простой

причине, что руководству США было сделано прямое и недвусмысленное предупреждение о последствиях, которые будет иметь торговля с Японией. Трезво оценив свои силы, посмотрев на сводную эскадру, у восточного побережья и посчитав количество танков на северной границе, американцы вынуждены были вздохнуть и свернуть лавочку. И это стало для японских бронетанковых подразделений началом конца.

Техники, которую успели закупить и привезти, хватило на одно большое наступление. А система восстановления, которую японцы позаимствовали у немцев, здесь не сработала. Неплохо показавшие себя в Американской кампании мобильные ремонтные мастерские, идущие с войсками и быстро приводящие в порядок подбитые танки, оказались практически бесполезны. Вначале потому, что русские использовали на своих танках очень мощные орудия, разносящие «Шерманы» в клочья. А затем они сами начали переходить в контрнаступление, и как только поле боя перестало оставаться за японцами, восстанавливать оказалось невозможно даже то небольшое, что выглядело ремонтпригодным. Словом, наступать было уже нечем.

В воздухе расклады оказались не лучше. Отлично показавшие себя в прошлую кампанию «Зеро» и другие японские истребители сейчас выглядели откровенно слабо. Не потому, что это были плохие самолеты. Как раз наоборот, они для своего класса были едва ли не лучшими в мире. Но это были истребители для маневренного боя, а немцы и русские, позаимствовавшие у тевтонов их тактику, пользуясь более мощными двигателями, применяли бой на вертикалях. Набрал высоту, ударил в пикировании, попал, не попал – без разницы. Уходи снова на высоту, готовься к следующей атаке. И не лезь в «карусель», это слишком рискованно.

Для более скоростных и тяжеловооруженных «Мессершмиттов», «Фокке-Вульфов», «Яков» и «Лавочкиных» подобная тактика оказалась хороша. Лишенным хоть какого-то намека на броню, японским машинам для противостояния таким противникам банально не хватало живучести. Самураи дрались отчаянно и порой весьма результативно, но все равно постепенно, шаг за шагом, проигрывали битву за воздух. С запада продолжали поступать все новые машины и летчики, а японцы, хоть и имели неплохо подготовленную авиацию, очень быстро начали испытывать недостаток высококлассных пилотов.

И даже гордость Японии, ее флот, неожиданно для всех оказался не на высоте. Моретто он контролировал уверенно, однако первая же попытка японских кораблей зайти в устье Амура показала, что кое в чем они просто бесполезны. Амур, конечно, река могучая, но все же кораблям рангом выше эсминца совершать в нем хоть какие-то маневры категорически противопоказано. А эсминцам не хватало все той же живучести, особенно когда советские самолеты начали уверенно чувствовать себя в воздухе. И это притом, что сами обороняющиеся опирались на мощную группировку бронекатеров и речных мониторов, позволяющую действовать так, как они считали нужным. Словом, на континенте в активе японцев оставался лишь численный перевес, и неудивительно, что наступление их стремительно коллапсировало.

Осознание того, что он в очередной раз оказался прав, не радовало Ямомото. Вот здесь и сейчас он предпочел бы ошибиться, но... Но армейцы не смогли победить, и начиналась война на истощение, в которой дело решает количество солдат, денег и производственных мощностей. То, чего у любой из сильнейших держав мира сейчас имелось в разы больше, чем у Японии. А ведь они выступали единым фронтом!

Сейчас флот, могучий и непобедимый японский флот, в очередной раз становился надеждой государства. Увы, это было все, что Ямомото мог сказать точно. Все остальное выглядело тайной, покрытой мраком. Что и как смогут сделать армейцы, он не мог себе представить даже приблизительно. Во-первых, они с флотскими традиционно не делились информацией, а во-вторых, их возможности оказывались сейчас в большой зависимости от действий противника, который, вот незадача, разглашать свои планы тоже не желал. Настолько не желал, что обычно весьма эффективная японская разведка оказалась в полном цейтноте.

Русские не повторили ошибку первой войны. То ли с подачи немцев, то ли сами по себе, они пришли к выводу, что безопасность тылов важнее чьего-то частного неудобства, и всех носителей восточного разреза глаз, не деля их на японцев, китайцев и корейцев, попросту задержали и направили в лагеря. Сортировать по народам и вычленять реальных шпионов начали уже позже, но, в любом случае, до конца военных действий задержанным предстояло сидеть в бараках за колючей проволокой. Так, на всякий случай.

Удар был страшный, восемьдесят процентов японской агентуры оказалось разом выключено из работы. Избежавшим первой волны арестов тоже пришлось нелегко. Даже в эфир не выйдешь – немцы доставили на Дальний Восток передвижные пеленгаторы, и любая попытка передать информацию стала подобна игре с огнем. Курьеров отлавливали. Голубиную почту ликвидировали разом. В общем, изначально мощный поток информации превратился в хилый ручеек, который готов был в любой момент прерваться вовсе. А главное, за достоверность получаемых сведений сейчас не поручился бы никто.

Если же судить по косвенным данным, то проблема вырисовывалась буквально на глазах. Русские проводили непрерывную переброску войск и техники к линии фронта, и происходило это куда быстрее, чем можно было ожидать. Противники Японии не просто объединили усилия, но и сделали это на редкость эффективно. Натренировались в прошлую войну. И ясно было уже, что как только людей и техники соберется достаточно, танковая лавина устремится вперед, и стабилизировавшийся, было, фронт рухнет.

На фоне этого у адмирала не вызвало ни малейшего удивления сообщение о том, что русский, немецкий, а также итальянский и французский флоты вышли в море, и больше о них ничего не известно. Ожидаемо, чего уж там. Ямомото до последнего надеялся, что хотя бы итальянцы останутся в стороне от войны, однако противник в очередной раз проявил умение быстро консолидировать силы. И вот, их корабли уже в море, это не скрыть, а вот куда и как они пошли – совершенно неясно. Оставалось лишь надеяться, что конечным пунктом окажется Владивосток, единственная нормальная военно-морская база, оставшаяся у противника в этих водах. Впрочем, Ямомото уже ни в чем сейчас не был уверен.

Пожалуй, единственным, что вызвало у адмирала удивление, стало сообщение о выходе в море и старых кораблей противника. С двухнедельной задержкой, правда. Непонятным выглядел сам факт того, что русские и итальянцы для чего-то решили задействовать это старье, представляющее сейчас весьма сомнительную боевую ценность. Впрочем, от русских всего можно было ожидать, в том числе и абсолютно самоубийственных действий. На фоне происходящего это выглядело мелочью, на которую Ямомото не слишком обращал внимание. И, как позже выяснилось, напрасно.

Эта идея появилась спонтанно и, как это порой бывает, у молодежи. Если точнее, у флотской молодежи. Еще точнее – у русских и итальянцев в то время, когда они вместе обсуждали вопросы координации действий.

Ближе к утру, когда глаза уже были красные от недосыпа, кто-то зло прошелся по тому, что делают они совершенно ненужное дело. И логика в этом, надо сказать, была.

Основные силы обоих флотов, включая не только самые современные корабли, но и лучших, наиболее подготовленных моряков, уходили с Лютьенсом и Белли. В портах и СССР, и Италии, оставалось только барахло времен Первой мировой войны. В хлам устаревшие монстры, которые, сколько их не модернизируй, годятся, как считалось, разве что для обучения экипажей. И вполне логично, что молодым офицерам, грезившим дальними походами и эпическими подвигами, остаться в родных портах при этом вроде как плавающим железу совсем не улыбалось. Лихой молодежи хватало, что среди советских моряков, что среди итальянцев. Это позже, с возрастом, невзрачные потомки гордых римлян становились вальяжны и осторожны, а в молодости... да все мальчишки одинаковы.

Желание выйти в море, пускай и на старых кораблях, оказалось велико. Не у всех, конечно, однако пассионариев было с избытком, и спорная изначально идея, обрастая на ходу мясом расчетов, приобрела законченный облик. А главное, смогла лечь на столы тех, кто и впрямь что-то решал, и при этом не вызвала у них неприятия.

Замотанный так, что еле стоял на ногах, адмирал Кузнецов лишь кивнул. Во-первых, ему было не до старых кораблей и невеликих ресурсов, которые требовались, а во-вторых, он и сам был в таком же положении. Рвался в море – а приходилось вкалывать, как рабу на галерах, но в штабе. Черный Князь, как раз находившийся в СССР (среди молодых прожектеров нашлось достаточно трезвых голов, сумевших грамотно выбрать время), долго читал, хмыкал, но визу «не возражаю» все же поставил. В кои-то веки во главе итальянского флота стоял умный авантюрист, и молодых он тоже понимал.

Два комфлота – это, конечно, фигуры серьезные, но последнее слово не за ними. И когда бумаги легли таки на стол, покрытый зеленым сукном, они вызвали немалое удивление. Однако Сталин подписал. Думал, взвешивал, советовался – но подписал. Почему? Трудно сказать. Возможно, просто вспомнил себя в молодости, свист пуль над головой, риск... Он вообще часто покровительствовал смелым людям. И «добро» от него было получено.

Ну а проще всего оказалось уломать Муссолини. Дуче хорошо умел считать и прекрасно понимал, что старые корабли исправно жрут деньги на свое содержание, но их реальные возможности невелики. Будь расклады иными, хваткий Лютьенс вытряс бы их у Италии, из горла бы вырвал. Ну а раз не вспомнил, и даже вспомогательных задач, как французам, не определил, стало быть, и впрямь барахло. И куда его, спрашивается, девать?

Соглашаясь на предложенную авантюру, Муссолини ничего не терял. Проиграют его моряки – Италия сбросит изрядную долю груза с экономики. Победят – можно будет потребовать себе лишние преференции за активное участие в войне. Как минимум, не отдать то, что уже взято, где стоят итальянские войска. А что брали вместе с русскими – так об этом они с маршалом Сталиным как-нибудь договорятся.

И вот, в один прекрасный день итальянские корабли вышла в море, чтобы на Мальте встретиться с русскими союзниками. Остров, некогда превращенный британцами в перво-классную военно-морскую базу, находился сейчас под немецким управлением. Однако немцы были не против. Лютьенс еще до того, как отправился в рейд на Японию, выслушал предложение, пожал плечами, не слишком в нем заинтересовавшись, но приказ о содействии отдал. Вряд ли он верил в успех, но и мешать другим проявить себя не собирался. И теперь на Мальте, подальше от чужих глаз (а остров контролировать куда проще, чем порт на материке), происходила окончательная подготовка. И силы, надо сказать, в сводную эскадру были собраны немалые.

Три старых советских линкора. Плохо приспособленных, конечно, к дальним переходам и штормам, но в отличном состоянии, следили за ними хорошо. Два корабля пришли с Балтики, один – с Черного моря. Турция попробовала было возмутиться и перекрыть проливы, не столько из реальной необходимости, сколько из желания показать, что их слово все еще многое значит. Угу, значит. Три звонка, один из которых, итальянский, еще можно было игнорировать, второй, советский, уже не получалось, и третий, с повелительным окриком от Геринга – и вопрос решился словно бы сам собой. Линкор с эскортом из лидера и трех эсминцев, а также четыре транспортных корабля, проследовали через проливы, и туркам оставалось лишь злобно бурчать себе под нос. Выказывать же недовольство в лицо никто не отважился.

Итальянцы смогли оперировать заметно большими силами. Они выставили четыре линкора, равных по возрасту, но конструктивно моложе советских как минимум на поколение. Корабли относились к двум разным сериям, однако при этом имели близкие характеристики и очень приличный даже по меркам сороковых годов ход. К недостаткам можно было отнести,

пожалуй, слабую защиту и посредственное вооружение – десять орудий калибром триста двадцать миллиметров в современной войне выглядели уже несерьезно.

Помимо линкоров итальянцы выставили целых два авианосца, «Аквила» и «Спарвиеро». Оба корабля, бывшие лайнеры, переоборудованные для военных целей, были сравнительно невелики и, несмотря на недавнюю постройку, использовались в качестве учебных кораблей. С живучестью у еще недавно гражданских судов по сравнению с кораблями специальной постройки имелись проблемы, но лезть к черту в зубы без прикрытия с воздуха и вовсе казалось безумием. Правда, возникали теперь уже проблемы с пилотами – большая часть подготовленных летчиков и почти все самолеты отправились на север. Однако это удалось решить – у СССР был уже налажен выпуск «Яков», модифицированных специально под базирование на авианосцах, да и летчики нашлись. Вкупе с четырьмя крейсерами и десятком эсминцев соединение оказалось весьма грозным, хотя бы внешне.

После длительной подготовки, в сопровождении двух десятков транспортных кораблей и дюжины танкеров (с ними дуче расставался особенно неохотно), армада под командованием адмирала Да Зара вышла в море. Мигнула фонарями – и пропала, соблюдая режим радиомолчания. Где она появится, оставалось только гадать.

Если действия объединенного флота были заметными, но для японцев непонятными, то перемещения одного человека вполне могли насторожить одним лишь своим фактом. Вот только при всей ясности этот человек был практически незаметен и в поле зрения японской разведки банально не попал. Впрочем, винить ее не стоит. Что для ищущих стратегические планы какой-то врач...

Доктор Йозеф Менгеле. Самый обычный военврач, честно отвоевавший в Американскую кампанию. Здесь он не заработал жуткого прозвища, под которым его помнил Колесников. Читал в свое время много, что для советского человека было нормой, вот и запомнил. А здесь и не знал бы о нем, наверное, если бы не сам доктор.

В свое время на стол гаулейтера Канады (тогда Рабинович, правда, еще не имел столь высокого чина, но это уже детали) легла записка одного врача, который, будучи сам ранен и угодив в госпиталь, малость повернулся на разработку новых методов лечения. И требовался ему для этого, ни много, ни мало, а человеческий материал, в качестве которого предлагалось использовать военнопленных.

Как Рабинович не расстрелял умника сразу, понять сложно. Наверное, просто вспомнил, что в той истории Менгеле не был антисемитом – ему плевать было, кого потрошить. И не освоившийся еще до конца Рабинович тогда решил посоветоваться с товарищем.

Колесников обдумывал ситуацию долго. Минут, наверное, пятнадцать. С одной стороны, Менгеле в его мире заработал стойкую репутацию чудовища. С другой же, здесь он ничего не успел натворить, зато честно выслужил железный крест, вытаскивая под вражеским огнем раненых. Там и ранен был, кстати. За что же ему, спрашивается, голову-то отрывать?

А еще Колесников помнил слышанное когда-то, что вся современная медицина держится на результатах, полученных Менгеле. И потому, еще немного подумав, адмирал поступил со здоровым житейским цинизмом, хотя и подозревал при этом, что потомки его не поймут. Проще говоря, он приказал Менгеле не трогать, а перевести на работу в научно-исследовательский медицинский институт. Пускай на кошках тренируется.

И вот, наступил момент истины. Война с Японией, черт бы побрал их обеих. И в числе тех, кого откомандировали на Дальний Восток, оказался скромный ученый, капитан медицинской службы Йозеф Менгеле, который, надо полагать, не остановится на том, что станет лечить больных и собирать материалы о достижениях японцев.

Колесников по-прежнему рассуждал максимально цинично. Во-первых, японцы вели активные исследования как биологии человека, живьем нарезая на кусочки сотни китайцев, так

и в области вирусологии. Варварство, конечно, но и терять столь ценный материал было глупо. Во-вторых, даже если Менгеле не удержится и начнет ставить эксперименты над японцами, то никаких претензий к нему быть не может. Те начали первыми и сами поставили себя в ситуацию, когда моральные нормы на них распространяться просто не могут. Особенно учитывая, что в Харбине, например, после прихода японцев русских почти не осталось. За такие вещи стоило мстить. Ну и, в-третьих, если уж рассуждать вообще цинично, то Павлов, замучивший кучу бессловесных тварей, вполне себе рукопожат. В этом плане особых отличий между ним и Менгеле Колесников не видел в принципе. Всего и разницы, что собака не может дать сдачи.

И вот, Менгеле ехал к линии фронта, что само по себе являлось для японцев нехорошим симптомом. В самом деле, если к фронту едет псих, которому для экспериментов нужны пленные, то значит, их в ближайшее время ожидается много. Стало быть, готовится наступление. Ну а дальше логическую цепочку можно продолжать уверенно и долго. Однако японская разведка Менгеле благополучно проворонила, а сам он, вот незадача, даже не знал, какой, оказывается, важной персоной является и каких безобразий способен натворить. Он ехал заниматься любимой работой, только и всего.

Генерал-майор Эдельмиро Хулиан Фаррель (имя, с точки зрения русских, не самое благозвучное, но здесь вполне обычное) оказался нестарым еще, крепким мужчиной с тяжелым, с крупными чертами лицом, в котором проглядывалось что-то лошадиное. Этаким образцовый служака, про которого так и хотелось сказать: боевой генерал! Но, увы, хотя Фаррель и прослужил всю жизнь в армии, реально в бою не отличился. Просто потому, что Аргентина с определенного периода ни с кем из соседей всерьез, до грома барабанов и танковых атак, не конфликтовала.

Впрочем, и без войны генерал неженкой не выглядел. Горные егеря, спецназ, если по-простому. У итальянцев учился, а те, при общей слабости армии, подразделения особого назначения готовить умели. Опять же, человек, заведующий подготовкой военных альпинистов, трусом не может быть по определению. И уж конечно, трус не возьмет власть в стране, даже той, где перевороты уже превратились в скучную обыденность.

Рукопожатие у генерала тоже было твердое, уверенное. И с Лютьенсом они моментально нашли общий язык. Фаррель оказался человеком деловым и весьма пронемецки настроенным. Неудивительно, что после войны и при нем, и при его преемнике в Аргентине скрылась масса военных преступников. Впрочем, сейчас расклады были иными, и разговор двух военачальников крутился вокруг взаимовыгодного сотрудничества, и, в первую очередь, торговли.

Аргентина готова была предоставить место под немецкую военно-морскую базу, а надо будет, так и не одну, концессии на разработку месторождений полезных ископаемых, ну и еще кое-что по мелочи. Солидный кусок, надо признать, и вкусный. Но и взамен Аргентина хотела немало, причем торговался Фаррель не хуже того хрестоматийного еврея.

В первую очередь, как это всегда, оружие. Причем не какое-нибудь старье – профессиональный военный, Фаррель разбирался в военной технике и всерьез хотел получить современное вооружение. Его интересовали, в первую очередь, самолеты, танки, а также вертолеты, производство которых было не так давно налажено в Германии. Последние, кстати, пока что создавались только для немецкой армии, причем как собственной разработки, так и американской. Точнее, частично американской – знаменитый конструктор Сикорский, начинавший еще в царской России и успешно проектировавший тяжелые бомбардировщики, после войны эмигрировал в США. Здесь он занимался созданием вертолетов, но довести свое творение до ума не успел. Грянула война, и почти сразу после ее завершения к Сикорскому пришли несколько человек с типично немецким акцентом. Предложение их оказалось щедрым, но и жестким. Или Сикорский едет в Германию и продолжает заниматься любимым делом за хорошие деньги там, или и его, и всю его семью увидят назавтра в образе холодных трупов.

Сикорский, подумав, согласился, и теперь его вертолеты производились уже под эгидой ведомства Геринга. Хорошее приобретение, и, хотя в Германии уже производили свои Fa 223 и несколько более легких машин, но и от американских разработок не отказались. В результате сейчас вертолетный парк Германии уже составлял около двухсот машин. Русские, кстати, тоже что-то пытались изобразить, но они, несмотря на предоставленную им документацию, в очередной раз шли каким-то своим путем. Лютьенс же не вмешивался. Надоело. Сталин, конечно, человек незаурядный, но и загибов у него хватало. Так что помочь – это всегда, но лезть со своим пониманием процессов – да ну его! Хочет закупать вертолеты в Германии – пускай закупает.

А Фаррель, проявив немалую предусмотрительность, хотел именно вертолеты. Еще самолеты «Фокке-Вульф 190». И танки, причем не «четверки», хорошо показавшие себя в Американскую кампанию, а более новые. И стажировку своих офицеров в Германии... Похоже, генерал, не мудрствуя лукаво, решил немного завоевать соседей. Желание похвальное, но неуместное.

Кроме техники, президент-диктатор, проявив немалую предусмотрительность, хотел получить помощь Германии в модернизации промышленности. Он все же был не дурак и помнил, как страна за несколько лет скатилась от процветания к нищете. И, надо признать, честно желал соотечественникам лучшей доли, которой было не достичь без масштабной индустриализации. Лавры Сталина, наверное, покоя не давали... Тем не менее, умные мысли умного человека. Только вот, насколько это выгодно Германии, СССР и лично адмиралу Лютьенсу, оставалось под большим вопросом.

А еще Фаррель, похоже, был уверен в победе над Японией и намеревался примазаться к ней. Настолько намеревался, что даже предложил, чтобы имеющиеся в Аргентинском флоте линкоры присоединились к эскадре адмирала Лютьенса. Вот в этот миг Колесников едва удержался от смеха.

Ему стоило немало труда, чтобы объяснить Фаррелю и одновременно не обидеть его, как аргентинские линкоры будут ему мешать и путаться у всех под ногами. Старые гробы американской постройки не обладали ни достаточным уровнем защиты, ни вооружением для участия в современном бою. Их скорость же не позволяла идти в одном строю с более современными кораблями. Мишени – это в лучшем случае.

Аргентинец понял. Возможно, он и обиделся, но понял и настаивать не стал. Зато разговоры по всем остальным вопросам велись еще долго и закончились буквально за пару часов до того, как немецкая эскадра вышла в море. Естественно, разговоры – это еще не соглашения, но бумаги предстояло составлять совсем другим людям. Главное же было сделано. Аргентина не спеша, но прочно входила в сферу германского влияния.

– Все-таки есть что-то величественное в этом белом безмолвии. Как думаете, Николай Павлович? – Вице-адмирал Белли стоял на мостике, закутавшись в тяжелый овчинный тулуп. Возраст сказывался – просто так, ради забавы, выйти на мороз в одной рубашке уже совершенно не тянуло.

– Есть такое дело, – командир «Кронштадта» поднял, было, бинокль, но затем, подумав, решил воздержаться от рассматривания горизонта. Все равно там одни льды, а в ясный день, такой, как сегодня, отблески солнца от их сверкающей белой поверхности и без оптики режут глаза. – Вы знаете, Владимир Александрович, у меня внук на нем помешан. Начитался Обручева и все хотел Землю Санникова найти. Даже со мной в поход сбежать пытался.

– Представляю, как ему родители всыпали, – хмыкнул адмирал.

Старики, заслуженный комфлота и бессменный командир одного из лучших советских кораблей, несколько минут молчали. Они – не мальчишки, чтобы без умолку трепать языками, за плечами годы... Чем бы этот поход ни закончился, для них он будет последним, и оба это

прекрасно понимали. О чем они в тот момент думали? Вспоминали бесшабашную молодость или внуков, что придут им на смену? Кто знает...

– Товарищ адмирал!

Оба синхронно обернулись, глядя на лейтенанта, вытянувшегося в струнку перед высоким начальством. Правда, у него это не слишком внушительно получалось – парень был закутан в шарф едва не до бровей. Ну да конкретно этому простительно, осенью эсминец, на котором он служил, напоролся на скалу и пропорол борт. Лейтенант до последнего работал на ключе, вызывая помощь. Полчаса в ледяной воде... Как он вообще выжил...

От воспаления легких его вылечить смогли, врачи здесь, на севере, умели бороться с подобной пакостью. А вот с вечным, непроходящим ознобом справиться уже не получалось. Вот и кутался лейтенант в сто одежек, и хлестал беспрерывно горячий чай, пытаясь хоть как-то согреться. К этому относились с пониманием, тем более, специалист он был великолепный. Разве что бравого вида, увы, не имел, но с этим мирились.

– Докладывайте.

– Радио со «Сталина». Впереди ледяное поле, предлагают отклониться севернее.

– Михаилу Прокофьевичу виднее, – пожал плечами Белли. Действительно, Белоусов отлично знал север, так что по факту проводкой флота руководил он. – Радируйте – на его усмотрение.

Лейтенант исчез так же незаметно, как и появился. Ну и ладно. Адмирал вновь вернулся к созерцанию ледяных полей, которые русские линкоры уверенно дробили, пробиваясь на восток. Как и предсказывал Лютенс, справлялись они с этой задачей вполне успешно, оставляя за собой широкие проходы, и, пока льды были невелики, превосходя по эффективности даже ледоколы специальной постройки. Их время настанет, если встретится действительно серьезное препятствие, а пока что только боцманы матерились из-за содранной с бортов краски.

Линейные крейсера могли бы, наверное, не хуже, но Белли не видел смысла ломать лед еще и им. Вот и получилось, что флагманский корабль шел не впереди, а вторым в строю. Впрочем, управлять эскадрой это не мешало.

Вообще, над тем, что он шел не на линкоре, некоторые, не самые умные коллеги втихую посмеивались. Мол, немца копирует – тот обычно тоже на «Шарнхорсте» флаг держит. Однако тут дело было не в слепом копировании, хотя Лютенса Белли и впрямь уважал. Все оказалось куда проще.

Дело в том, что Белли не любил и даже немного побаивался новых линкоров. Не чувствовал он этих громоздких, неповоротливых гигантов. На линейном крейсере, который пронес его через горнило большой войны, адмиралу почему-то было куда спокойней. Вот и поднял он флаг над «Кронштадтом», тем более, что корабль за последние годы серьезно изменился.

По итогам войны с американцами кораблестроители сделали выводы о достоинствах и недостатках своих кораблей. Достоинств хватало, все же показали себя линейные крейсера очень неплохо. Увы, недостатки тоже имелись, и с ними, по мере возможности, пытались бороться. Не со всеми, правда, кое-что не решалось конструктивно, но все же.

Во-первых, на крейсерах смонтировали новые радары, заметно более мощные, чем прежде. Элементная база, правда, была немецкая, все же культура серийного производства в Германии пока что превосходила возможности советских заводов, но разработка своя, оригинальная, и заметно превосходящая любые аналоги.

Во-вторых, усилили противоторпедную защиту. Калибр торпед, особенно японских, возрос, и того, что имелось раньше, стало не хватать. Хотя, честно говоря, вызывало сомнения, что хватит и модернизированной. В-третьих, сменили артиллерию среднего калибра. Опыт боевых действий показал, что два калибра, сто пятьдесят два и сто миллиметров, не слишком хорошо работают в паре. К тому же мощность стомиллиметровых орудий оказалась слишком

ком мала даже для противостояния эсминцам противника. Было предложено заменить их всех единым статридцатимиллиметровым комплексом, но победили, в конце концов, приверженцы более серьезных калибров, и ценой значительных усилий и инженерных извращений, выкинув «сотки», на корабли смогли установить дополнительно восемь шестидюймовых орудий.

Ну и, пожалуй, самое основное – сменили артиллерию главного калибра, по примеру немцев перепроектировав башни и установив в них по два четырехсотшестимиллиметровых орудия, таких же, как на линкорах. Теперь шестнадцатидюймовые орудия превратились в единый стандарт для советского флота, что и повышало огневую мощь линейных крейсеров, и снимало сразу кучу организационных вопросов. Хотя, конечно, скольких бессонных ночей стоила такая переделка инженерам, оставалось лишь гадать.

В результате всех этих операций изменилась не только внешность крейсеров. Они заметно «прибавили в весе» и, несмотря на модернизацию машин, выдающих теперь по две-сти пятнадцать тысяч «лошадей» вместо прежних двухсот, потеряли по целых пол-узла хода. Впрочем, любой военный корабль – это всегда компромисс между скоростью, защитой и огневой мощью, и ради одного приходится жертвовать другим. Предсказуемо...

– Владимир Александрович.

– Да? – Белли отвлекся от своих мыслей и повернулся к собеседнику.

– А вам никогда в молодости не хотелось заняться исследованиями этих мест?

– Нет уж, благодарю покорно, – рассмеялся адмирал. – Меня лавры Колчака даже в молодости особо не прельщали. Видимо, слишком южный я человек. И потом, из меня романтику покорителей Севера еще в тридцатом выбили.

Командир крейсера лишь кивнул – уж он-то знал, что Белли успел по ложному доносу посетить «места, не столь отдаленные», и, хотя все закончилось быстро и хорошо, след в душе адмирала это наверняка оставило. А комфлота повернулся и с интересом посмотрел, как поднимается над флагманским ледоколом вертолет-разведчик. Увы, тоже немецкий – свои пока не получались.

Машина тяжело, но притом грациозно развернулась и, обгоняя эскадру, направилась на восток, искать проход в ледовом поле. К сожалению, такие поля многометровой толщины в последнее время встречались довольно часто, хотя, по авторитетным заявлениям капитанов ледоколов, в целом обстановка походу благоприятствовала. Обычно было хуже. А вертолеты, кстати, в деле ледовой разведки оказались весьма кстати, по сравнению с самолетами они, правда, летали не так шустро, зато взлет-посадка у них не требовали ни полосы, ни открытой воды. Так что в прокладке курса они помогали здорово, хотя один уже и успел навернуться – отказал двигатель, и, совершая вынужденную посадку, летчик зацепился лопастями за торос. Неприятно, но потери среди таких машин выглядели неизбежными еще до начала похода, а пилоты остались живы, отделавшись синяками.

– Вот о чем жалею, – вздохнул Белли, – так это о том, что летать не выучился. А ведь когда-то мечтал...

– Так кто мешает? – удивился собеседник. – Вон, тот же Лютьенс всю летает – и ничего.

– У него положение другое. Захотел – и сделал, ни на кого не оборачиваясь.

– Ну, вы тоже не мальчик. Если захотите – сможете.

Белли хмыкнул и, пожав плечами, без особого интереса принялся разглядывать уже немного приевшуюся картину. Здоровенный белый медведь, ничуть не боясь продирающихся сквозь льды стальных гигантов, стоял на льду и с интересом наблюдал за людьми. Совсем близко, правда, тоже не подходил, ибо не дурак. Хотя попадались и дураки, шкуру одного такого адмиралу недавно презентовали полярники, которых попутно сменили на одной из метеорологических станций, щедро рассыпанных по берегу океана.

– Гляньте, что делают! Во, макаронники...

Белли повернулся и тоже едва сдержал улыбку.

Итальянцы, народ темпераментный, мишку без внимания оставить не могли. Видать, им это было все еще в диковинку, хотя советским морякам подобная экзотика по три раза на дню уже успела приестся. Сейчас итальянские моряки собрались толпой на палубе идущего параллельным курсом «Литторио» и яростно жестикулировали. Ветер и расстояние заглушали слова, но и без того было ясно, что о чем-то спорят, причем яростно и самозабвенно. Небось, о том, кто какую скорость разовьет, столкнувшись, не приведи Господь, с таким зверюгой нос к носу.

– Да, лихие парни...

– Посмотрим, как они себя в бою поведут, – пробурчал себе под нос каперанг.

– В прошлый раз вроде ничего, труса не праздновали, – пожал плечами Белли.

– Так, в прошлый раз другие макаронники были. Вы сами гляньте – сплошная молодежь.

Адмирал поднес к глазам бинокль и, кивнув, признал правоту старого товарища. Махнул рукой:

– Справятся. Командир у них серьезный.

– Посмотрим, как под огнем себя поведут. Разрешите вопрос, Владимир Александрович?

– Конечно... – Белли удивленно посмотрел на него. – Вроде бы я ничего не скрываю.

– Да тут такое дело... Понимаете, я никак не возьму в толк, для чего все это. Дробить флот, гнать его разными маршрутами... Зачем? Ведь поодиночке мы слабее японцев.

– Ну, не настолько уж и слабее, – хмыкнул Белли. – У нас меньше кораблей... ненамного. Но мы будем действовать от своих баз, при поддержке своей авиации. Открою вам маленький секрет, который, впрочем, вы бы скоро и сами узнали. Мы идем не во Владивосток.

– Но... куда?

– В другое место, в другой порт. Туда, откуда мы будем нависать над Японией. Но драться с ней мы не будем. Во всяком случае, в планах этого нет.

– И каким образом мы победим? – скепсиса в голосе каперанга хватило бы на целый линкор. Белли усмехнулся:

– Экономически, разумеется. Лютьенс чертовски логичен, просто не все его логику понимают. Старый пират очень хорошо умеет проводить эпические сражения, но он не собирается лезть под японские орудия. Как он сказал мне в личной беседе, «много чести для них». Все проще и страшнее. Вы про план «Анаконда» читали?

– Кажется, это система морской блокады южных штатов во время гражданской войны в США?

– Именно так, – Белли довольно улыбнулся. – Тогда этот план с блеском сработал, и Вашингтон удушил южан блокадой. Лютьенс собирается повернуть нечто подобное.

– Каким образом? Тогда, насколько я помню, у Севера имелось тотальное превосходство в кораблях. Здесь же даже все вместе мы если и превосходим Японию, то совсем ненамного.

– Именно так. Но не забудьте о разном географическом положении. Япония практически не имеет ресурсов, все завозится извне. И сейчас они, поглотив большую территорию, растянули коммуникации до безобразия. Нельзя быть сильным везде, и защитить все морские пути японский флот просто не в состоянии. Помню, в четвертом году наши крейсера на них уже неплохо порезвились.

– А еще я помню, чем это для них кончилось, – мрачно буркнул каперанг.

– Опять же, совершенно разная ситуация. Сейчас за спиной рейдеров будет ударный флот. Так что японцам при таких раскладах придется отражать удары со всех сторон. Я им не завидую, откровенно говоря. Если все пойдет по немецкому плану, мы их просто задушим.

– Товарищи офицеры!

Петров встал. Не как пружинной подброшенный, подобное больше характерно для штабных при внезапном появлении высокого начальства, а он – боевой офицер, только-только,

можно сказать, с передовой. Да и ожидал он этих слов – они в этой пародии на приемную уже минут пять сидели. Именно что пародии. А что делать? Нормальных домов, в которых можно было бы со всеми удобствами разместить штаб фронта, в этой деревне просто не было, теснота стояла жуткая, и приемная – не более чем наспех очищенные от всего лишнего сени, вон, кадка с огурцами в углу так и стоит, распространяя умопомрачительные запахи хорошего соленья. Так что встал он быстро, но с той толикой небрежности, которая и отличает фронтовиков от молодых лейтенантов на побегушках при штабе.

Борман поднялся на полсекунды позже. Все-таки больше привык к другому обращению, а старые рефлексy просто так не перебиваются. Но, с другой стороны, и неприятия это не вызывало. Русские говорили немцам «товарищ», в немецких штабах к русским обращались «герр», а в смешанных частях и вовсе кому как удобнее. Военные, как это часто случается, нашли общий язык достаточно быстро, куда успешнее гражданских чиновников.

Штаб генерал-полковника Черняховского занимал пять комнат большого, рубленного из толстых бревен дома. Учитывая, что лес в этих местах был так себе, везли бревна, скорее всего, издалека. На вид дому можно было дать уже лет пятьдесят, не меньше. Дореволюционной еще постройки, но хозяева ухитрились как-то пережить допущенные в тридцатые годы перегибы, хотя люди, сразу видать, были не бедные. Однако сейчас им пришлось капитально потесниться – война.

– Здравствуйте, товарищ Петров, герр Борман...

– Здравия желаю, товарищ...

– Не стоит, – генерал выдавил улыбку и махнул рукой. – Присаживайтесь, разговор будет серьезный.

Судя по тому, насколько серым и осунувшимся выглядело лицо Черняховского, он не спал толком уже давно и вымотался страшно. Оно и неудивительно. После двухнедельного затишья уже прекратившееся вроде бы сражение вспыхнуло с новой силой. Откуда-то пригнав новую технику, а скорее всего, просто собрав в кулак все, что осталось на несколько сотен километров вокруг, японцы смогли внезапным ударом прорвать фронт, и парировать их наступление полностью до сих пор не получалось. Некоторые части сражались в полном окружении, организовав круговую оборону, а некоторые – и это было неприятнее всего – японцы смогли расчленить и уничтожить.

Подождав, когда майоры усядутся на скамейки, Черняховский помассировал веки и негромко сказал:

– Я вызвал именно вас потому, что вы на данный момент – лучшая и наиболее боеспособная часть из тех, что есть под рукой. И именно вам я хочу поручить задание особой важности.

Откровенно говоря, Петров полагал, что ему прикажут остановить очередной прорыв или, напротив, нанести фланговый удар из какой-нибудь труднодоступной местности, где японцы такого подвоха не ждут. Вполне логичное предположение, кстати. У него – усиленный танковый батальон. Двенадцать ИС-3, тридцать два Т-44. Плюс группа Бормана, почти четыре сотни человек немецкой пехоты, с артиллерией и бронетранспортерами. Две тысячи конницы, причем восьмьсот советской, подготовленной и дисциплинированной, да и монголов смогли за это время натаскать. В общем, сила, которой майору вроде бы уже и не по чину командовать. И, судя по тому, что их до сих пор не трогали, держа под рукой, но все же в тылу, в качестве резерва, готовили эту мобильную группу к чему-то крайне серьезному. Но, как оказалось, все вышло хуже, чем планировалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.